

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

CXVII Международная научная конференция

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

КАЗАНЬ

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43

И88

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия:

Э.А. Бердиев, Ю.В. Иванова, А.В. Каленский, В.А. Куташов, К.С. Лактионов,
Н.М. Сараева, Т.К. Абдрасилов, О.А. Авдеюк, О.Т. Айдаров, Т.И. Алиева, В.В. Ахметова,
В.С. Брезгин, О.Е. Данилов, А.В. Дёмин, К.В. Дядюн, К.В. Желнова, Т.П. Жуйкова,
Х.О. Жураев, М.А. Игнатова, Р.М. Исаков, К.К. Калдыбай, А.А. Кенесов, В.В. Коварда,
М.Г. Комогорцев, А.В. Котляров, А.Н. Кошербаева, В.М. Кузьмина, К.И. Курпаяниди,
С.А. Кучерявенко, Е.В. Лескова, И.А. Макеева, Е.В. Матвиенко, Т.В. Матроскина,
М.С. Матусевич, У.А. Мусаева, М.О. Насимов, Б.Ж. Паридинова, Г.Б. Прончев,
А.М. Семахин, А.Э. Сенцов, Н.С. Сенюшкин, Д.Н. Султанова, Е.И. Титова,
И.Г. Ткаченко, М.С. Федорова С.Ф. Фозилов, А.С. Яхина, С.Н. Ячинова

Международный редакционный совет:

З.Г. Айрян (Армения), П.Л. Ароидзе (Грузия), З.В. Атаев (Россия),
К.М. Ахмеденов (Казахстан), Б.Б. Бидова (Россия), В.В. Борисов (Украина),
Г.Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайч (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан),
А.М. Данилов (Россия), А.А. Демидов (Россия), З.Р. Досманбетова (Казахстан),
А.М. Ешиев (Кыргызстан), С.П. Жолдошев (Кыргызстан),
Н.С. Игисинов (Казахстан), Р.М. Исаков (Казахстан), К.Б. Кадыров (Узбекистан),
А.В. Каленский (Россия), О.А. Козырева (Россия), Е.П. Колпак (Россия),
А.Н. Кошербаева (Казахстан), К.И. Курпаяниди (Узбекистан), В.А. Куташов (Россия),
Э.Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л.В. Малес (Украина),
М.А. Нагервадзе (Грузия), Ф.А. Нурмамедли (Азербайджан), Н.Я. Прокопьев (Россия),
М.А. Прокофьева (Казахстан), Р.Ю. Рахматуллин (Россия), М.Б. Ребезов (Россия),
Ю.Г. Сорока (Украина), Д.Н. Султанова (Узбекистан), Г.Н. Узаков (Узбекистан),
М.С. Федорова, Н.Х. Хоналиев (Таджикистан), А.Хоссейни (Иран),
А.К. Шарипов (Казахстан), З.Н. Шуклина (Россия)

И88 **Исследования молодых ученых** : материалы СХVII Междунар. науч. конф.
(г. Казань, февраль 2026 г.) / [под ред. И. Г. Ахметова и др.]. — Казань : Молодой
ученый, 2026. — iv, 76 с.

ISBN 978-5-6054100-2-7.

В сборнике представлены материалы СХVII Международной научной конференции
«Исследования молодых ученых».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов,
а также для широкого круга читателей.

УДК 005(063)
ББК 65.290-2я43

ISBN 978-5-6054100-2-7

© Оформление.

ООО «Издательство Молодой ученый», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Чернышёв М.А.

Интеграция DCF, рыночных мультипликаторов и стратегического анализа в оценке сделок слияний и поглощений	1
--	---

РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Сунь Лэ

Цифровая трансформация экономической деятельности.	
Модели и инструменты цифровой трансформации.....	9
Федотова А.С.	
Корюшка и колюшка: гастрономический бренд Петербурга.....	27

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Егорова А.В.

Принципы уголовного судопроизводства как гарантии обеспечения прав личности при осуществлении уголовного преследования	32
--	----

Ключеров В.В.

Правовое регулирование публичного договора в контексте обязательств по оказанию услуг.....	40
--	----

ПСИХОЛОГИЯ

Калагина О.В.

Коммуникативная компетентность подростков как инструмент системного психологического сопровождения в подростковом возрасте.....	52
---	----

Турукина О.А.

Эффективные стратегии профилактики наркотической зависимости среди несовершеннолетних	56
---	----

ПЕДАГОГИКА

Гарастюк М.С.

Опыт развития критического мышления обучающихся через анализ исторической достоверности в межпредметных проектах 59

Олешко А.П.

Моделирование как средство формирования морфологических понятий у младших школьников 62

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Гарлыев А.Г.

Культурное наследие Туркменистана 68

ЭКОНОМИКА

Интеграция DCF, рыночных мультипликаторов и стратегического анализа в оценке сделок слияний и поглощений

Чернышёв Михаил Андреевич, докторант

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

В эпоху глобализации и интенсивной конкуренции на финансовых рынках сделки слияния и поглощения (М&А) выступают в роли важных механизмов стратегического устремления корпораций. Успешная реализация таких операций зависит от множества внутренних и внешних аспектов, подчеркивающих важность всестороннего анализа их результативности. Цель данной работы — систематизация и критическое рассмотрение разнообразных методик оценки результативности сделок М&А на всех этапах проведения операций. Исследование базируется на ретроспективном изучении научных работ, системном и функционально-структурном анализе, а также на классификации, сравнительном анализе и синтезе данных. Выделены методы количественной оценки (доходный, затратный, рыночный, бухгалтерский подходы) и качественный стратегический анализ (PEST-анализ, модель конкурентных сил М. Портера, матрицы McKinsey/GE и BCG, SWOT-анализ). Основной вывод заключается в том, что применение разнообразных методик на всех стадиях слияний и поглощений помогает минимизировать ограничения каждого метода и гарантирует более точное определение стоимости создаваемой синергии.

Ключевые слова: М&А, корпоративное переформатирование, стратегии валоризации, синергия, оценка результативности транзакций.

Integrating DCF, market multiples, and strategic analysis in merger and acquisition valuation

Amid globalization and rising competitive pressures, the strategy of mergers and acquisitions (M&A) has emerged as a crucial mechanism for corporate expansion. The success of these endeavors hinges on a multitude of internal and external elements, highlighting the necessity for a robust framework to evaluate their effectiveness. This research is devoted to the organization and scrutiny of M&A effectiveness evaluation methodologies. We employ a blend of retrospective, systemic, and functional-structural analysis along with techniques like classification, comparison, and synthesis. The evaluation tools for M&A are categorized into quantitative methods (including income, cost, market, and accounting approaches) and qualitative methods (such as PEST analysis, Porter's Five Forces framework, McKinsey and BCG matrices, and SWOT analysis). A holistic application of these diverse methodologies throughout the transaction process effectively mitigates the constraints inherent to each individual technique.

Keywords: M&A activity, organizational realignment, valuation techniques, synergistic benefits, deal efficacy.

Российские промышленные и финансовые организации усиленно интегрируются в мировой экономический контекст, что дает им доступ к использованию глобальных практик в сфере модернизации предприятий, адаптации новейших технологий и развитии международных экономических связей. В рамках возрастающей конкурентной борьбы, ключевыми становятся задачи повышения эффективности активов и укрепления позиций на рынке. Для достижения этих стратегических целей компании все чаще прибегают к сделкам слияний и поглощений, рассматривая их как эффективные средства для целестремленной корпоративной реструктуризации и оптимизации организационных структур [1, 3].

В рамках процесса поглощения (acquisition) одна или более компаний интегрируются в структуру другого предприятия. Слияние же подразумевает формирование нового юридического лица через объединение нескольких организаций. В международной корпоративной правопрактике для описания подобных операций применяется термин M&A (Mergers and Acquisitions). В зависимости от позиции целевой компании по отношению к процессу, поглощения бывают дружественными и враждебными. Дружественное поглощение происходит с полным одобрением и поддержкой совета директоров и акционеров целевой компании, способствуя коллaborации сторон; враждебное поглощение осуществляется вопреки воле руководителей целевой организа-

ции, часто с использованием тендерных предложений, направленных прямо акционерам.

Одним из ключевых стремлений при реализации сделок по слиянию и поглощению (M&A) является получение синергии, когда общая стоимость новой корпорации превышает агрегированные стоимости до объединения. Этот синергетический эффект осуществляется путём ликвидации перекрывающихся задач, адаптации инновационных технологий, интеграции активов и проникновения в прежде закрытые для компаний рынки. Слияние приводит к созданию единой сущности, которая несёт все обязательства компаний-участниц, расширяя при этом стратегические горизонты.

Сегодня не существует единой модели для оценки эффекта от слияний и поглощений. Метрики, основывающиеся только на финансовом отчете, игнорируют капитальные затраты и не способны точно отражать рост экономической стоимости компании. Вдобавок, финансовые отчеты могут подлежать модификации, делая сложным верную оценку экономического положения компании.

В глобальной экономике для анализа успешности слияний и поглощений используются две основные методологии: качественная и количественная [7].

Количественные методы анализа используются для измерения следующих показателей:

1. эффективность консолидации (общая величина активов, выручка зафиксированный период времени);
2. финансовые итоги действий руководства компании и отдельных членов интегрированного корпоративного союза;
3. эффективность компонентов встроенной системы;
4. финансовое состояние участников интеграционного альянса.

Количественные методы разделяют на антецедентные (*ex ante*) и последующие (*ex post*) анализы. Антецедентные методы используются для оценки транзакций до их исполнения, последующие — для оценки результативности после выполнения слияния.

Метод доходного подхода базируется на дисконтировании прогнозируемых денежных потоков актива к настоящему времени. Этот подход позволяет оценить эффект синергии при мерджере компаний, учитывая при этом все возможные инвестиционные риски. Однако процесс выбора корректной ставки дисконтирования и анализ будущих доходов выбранной корпорации остаются критическими и трудоёмкими задачами [4].

Метод затрат оценивания используют, когда сложно спрогнозировать будущие финансовые потоки или когда компания стоит на пороге банкротства.

К ретроспективным методикам относят бухгалтерский и комбинированный методы.

Бухгалтерский подход предполагает изучение финансовых итогов работы объединённого предприятия, численных данных аффилированных компаний, а также сравнение экономических параметров до и после проведения транзакции [1].

Метод рыночных мультипликаторов базируется на анализе изменений в доходности акций компаний до и после осуществления сделки. Эта методика оценивает воздействие финансовых операций на стоимость акционерных капиталов, исходя из данных по публично торгуемым корпорациям. Однако применение данного метода усложняется переменными внешними условиями, которые могут искажать реальные изменения в экономическом благополучии акционеров после объединений и поглощений. В долгосрочной перспективе также усиливается влияние внешних переменных на результаты оценки.

Эмпирическое изучение эффективности мерджеров и аквизиций обнаружило ключевые элементы, важные для успешной интеграции. Сегодня академический интерес расширяется за пределы чисто финансовых результатов, включая оценку организационных и культурных факторов. Исследования Р. Ларссона и С. Финкельштейна подтверждают значимость операционной интеграции и отношения сотрудников в процессе объединения компаний, подчеркивая, что эти аспекты часто упускаются из виду при стандартном анализе рентабельности акций.

Комбинированный метод интегрирует финансовый и рыночный подходы, давая всестороннюю оценку, основанную на изучении рыночных цен акций и анализе бухгалтерских данных.

Ключевая находка исследования указывает на то, что организации с глубоким опытом в проведении трансграничных M&A (слияний и поглощений) значительно эффективнее достигают синергетических эффектов по сравнению с теми, кто этим опытом не обладает. Это подтверждает значимость организационного обучения и развития компетенций в области интеграции.

В сфере стратегического управления и слияний и поглощений (M&A) методы оценки компаний имеют ключевое значение [2]. Среди применяемых методик часто используются:

- PEST-анализ — метод исследования, оценивающий политические, экономические, социальные и технологические факторы внешней среды.
- Пятифакторная модель Майкла Портера — оценка конкурентоспособности сектора;

- Матрица McKinsey/GE — анализ привлекательности сектора и конкурентоспособности предприятия;
- BCG matrix — оценка портфеля продуктов по скорости роста рынка и сравнительной рыночной доле;
- SWOT-анализ — методика оценки сильных и слабых сторон, а также возможностей и угроз.

SWOT-анализ применяется для стратегической оценки бизнеса посредством комплексного анализа внутренних ресурсов и внешних условий рынка. На основе результатов анализа разрабатываются стратегические инициативы для улучшения рыночного позиционирования компании [2].

PEST-анализ предполагает рассмотрение четырёх групп факторов, оказы-вающих воздействие на организацию: политических, экономических, социальных и технологических. В зависимости от контекста анализ может быть расширен за счёт включения правовых, экологических, культурных и демографических параметров.

Модель Портера пяти конкурентных сил охватывает анализ таких элементов:

- 1) уровень соперничества между текущими операторами на рынке;
- 2) возможности контролирования рынка поставщиками;
- 3) влияние покупателей на рынке;
- 4) риск входа новых конкурентов;
- 5) риск внедрения субститутов на рынке.

Комплекс этих факторов создает конкурентное пространство в отрасли, влияя на ценовую политику, производственные затраты, размеры инвестиций и прибыльность компаний.

Матрица Бостонской консультационной группы (BCG) оперирует концепцией жизненного цикла изделия, классифицируя бизнес-единицы на основе скорости роста рынка и их доли на рынке. Этот аналитический инструмент применяется для оптимального распределения корпоративных ресурсов, адресуя их к наиболее многообещающим направлениям, таким как «звезды» и «вопросительные знаки», и уменьшая финансирование в направлениях с устойчивыми доходами, известных как «дойные коровы».

Матрица McKinsey/GE анализирует стратегические подразделения компаний, оценивая их по конкурентоспособности и потенциалу роста в отрасли на длительный срок.

Каждая техника оценки компаний имеет свои сильные стороны и ограничения. При проведении операций по слиянию и поглощению эффективным явля-

ется использование многоаспектного подхода, который охватывает различные методики на каждом этапе транзакции: начиная с отбора компании-объекта до её включения в структуру приобретателя и последующего адаптирования операционных процессов. Применение комбинации подходов позволяет снизить риски, связанные с ограничениями каждого из методов в изоляции. В аналитике, где основное внимание уделено оценке синергетических выгод, метод расчёта дисконтированных денежных потоков часто используется как ведущий [4].

Эффективная стратегия предполагает использование интегрированной системы, объединяющей различные дополняющие друг друга техники на каждом из этапов транзакции:

На стадии анализа выбранной компании и решения о проведении транзакции очень важно использовать методологии стратегического анализа, такие как PEST-анализ, модель «Пять конкурентных сил Портера» и SWOT-анализ. Эти методы помогают оценить соответствие стратегий и выявить возможные риски. Для корректной оценки стоимости активов применяется доходный подход, позволяющий рассчитать их справедливую рыночную стоимость.

В процессе структурирования и планирования финансов применяется метод дисконтированных денежных потоков для количественного анализа синергии и интеграции возможных рисков;

На стадии интеграции используется анализ основных бухгалтерских показателей для контроля хода интеграционного процесса.

На стадии постинтеграционного анализа применяется гибридный подход (рыночный и бухгалтерский методы) для точного определения достигнутой синергетической выгоды.

Применение разнообразных стратегий на различных этапах и слоях исследования способствует снижению методологических ограничений каждой стратегии в индивидуальном порядке и гарантирует эффективное управление затратами в рамках слияний и поглощений.

Следовательно, операции мердженеров и аквизиций являются многофункциональным инструментом в стратегическом арсенале корпоративного управления, направленным на усиление синергии через соединение бизнес-активов, ресурсной базы и экспертизы. В процессе слияния происходит объединение двух компаний в одну юридическую сущность, тогда как при поглощении одна компания интегрирует другую, при этом сохраняя собственную юридическую идентичность.

Методики оценивания результативности слияний и поглощений (M&A) классифицируются на количественные и качественные. К первым относятся доходный (отражающий метод дисконтированных денежных потоков), затратный, рыночный (основывающийся на анализе доходности акций) и бухгалтерский методы, а также их синтезы. Количественные подходы делит на перспективные (ex ante) для оценки до исполнения и ретроспективные (ex post) после завершения интеграции. Качественные подходы включают стратегические инструменты: анализ PEST, модель Майкла Портера (Five Forces), матрицы McKinsey/GE и BCG, а также SWOT-анализ, поддерживающие глубокое понимание внутренних и внешних условий деятельности, конкурентной обстановки и стратегической пригодности участвующих предприятий. Обобщение научных данных и практического опыта показывает, что эффективность достижения синергии зависит не только от финансовых показателей, но и от управлеченческих и организационных аспектов, таких как операционная интеграция, компетентность руководства и успешная адаптация сотрудников к изменениям. Интегрированный подход к использованию разнообразных методик на всех этапах M&A — от анализа до постинтеграционного контроля — помогает уменьшить ошибки каждого метода в отдельности, точнее оценить стоимость интеграции и улучшить шансы на успешное выполнение стратегических задач слияния и поглощения.

Литература:

1. Барашьян В. Ю., Бджола В. Д., Журавлева О. Г. и другие. Финансовый менеджмент / Под редакцией В. С. Золотарева, В. Ю. Барашьяна. — Москва: Издательство «КНОРУС», 2019. — 520 с.
2. Бахотский В. В., Войку И. П. Анализ маркетинговой стратегии. — Псков: Издательство Псковского государственного университета, 2021. — 92 с.
3. Бегаева А. А. Анализ корпоративных слияний и поглощений: правовые вопросы, проблемы и перспективы. — Москва: Инфотропик Медиа, 2019. — 256 с.
4. Брейли Ричард, Майерс Стюарт. Основные принципы корпоративного финансирования. — Москва: Олимп-Бизнес, 2023. — 1012 с.
5. Гохан П. Слияния, поглощения и корпоративная реструктуризация. — Москва: Альпина Паблишер, 2020. — 744 с.
6. Ендовицкий Д. А., Соболева В. Е. Основы экономики слияний и поглощений. — Москва: Издательство КноРус, 2018. — 448 с.

7. Зайнуллина М. Р. Слияния и поглощения: Конспект лекций. — Казань: Изд-во Казанского федерального университета, 2018. — 176 с.
8. Князева Е. Н. Фундаментальные аспекты синергетики. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2022. — 307 с.
9. Марков П. А. Анализ хостильных захватов: Теоретические означения, практическое применение и законодательное регулирование: Монография. — М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2019. — С. 20–21.
10. Хардинг Д., Роувит С. Аспекты успешных слияний и поглощений: ключевые стратегии в M&A. — Минск: Изд-во Гревцов, 2019. — 256 с.

РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Цифровая трансформация экономической деятельности.

Модели и инструменты цифровой трансформации

Сунь Лэ, аспирант

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

Предприятия различных отраслей переживают качественную перестройку структуры экономической деятельности под влиянием цифровых технологий, причем глубина этих преобразований варьируется от оцифровки документооборота до построения комплексных экосистем, где данные становятся основным активом. Отсутствие систематизированных моделей, связывающих теоретические концепции трансформации с практическими инструментами их реализации, создает методологический пробел для исследователей и практиков. В статье представлена теоретическая рамка анализа цифровой трансформации, выделены пять базовых моделей (операционная эффективность, цифровизация продуктов, платформизация, интеграция цепочки поставок, цифровая бизнес-модель) с соответствующими технологическими и управленческими инструментами их воплощения. Эмпирическая часть исследования демонстрирует применение предложенной типологии на материале китайской экономики, занимающей восьмую позицию в глобальном индексе цифровизации. Анализ стратегии «Сделано в Китае 2025» и статистических данных за период 2013–2023 годов выявляет специфику модели, сочетающей государственное планирование со значительными финансовыми вложениями (суммарно превышающими 400 миллиардов долларов США через различные фонды) и созданием благоприятных условий для отечественных технологических компаний. Индекс цифровой зрелости предприятий демонстрирует устойчивый рост во всех секторах, при этом выявлены как достижения (формирование конкурентоспособных производителей, рост расходов на R&D до 2,6% ВВП), так и проблемы избыточных мощностей и торговых конфликтов, что указывает на необходимость корректировки подходов для обеспечения устойчивости результатов.

Ключевые слова: цифровая трансформация, модели цифровизации, инструменты трансформации, цифровая экономика, Китай, Сделано в Китае 2025, цифровая зрелость предприятий, государственная промышленная политика.

Введение

За последние восемь-девять лет предприятия различных отраслей столкнулись с необходимостью переосмыслить собственные операционные процессы под влиянием технологий, которые ранее воспринимались как вспомогательные. Внедрение облачных вычислений изменило подходы к хранению данных и управлению информационными потоками, аналитические платформы позволили обрабатывать массивы структурированной и неструктурированной информации в режиме, приближенном к реальному времени, а автоматизация рутинных операций высвободила человеческие ресурсы для решения задач, требующих творческого подхода. Подобные изменения затронули как крупные корпорации, так и представителей малого и среднего бизнеса, что указывает на масштаб происходящих преобразований. При детальном рассмотрении обнаруживается, что речь идет не просто о замене аналоговых инструментов цифровыми аналогами, а о качественной перестройке архитектуры экономической деятельности.

Указанная перестройка затрагивает множество уровней организации: от перерформатирования взаимодействия с клиентами и поставщиками до модификации внутренних бизнес-моделей и создания новых каналов получения прибыли. Примечательно, что компании, применяющие цифровые технологии, демонстрируют различную глубину интеграции: одни ограничиваются оцифровкой документооборота [1], другие выстраивают комплексные экосистемы, в которых данные становятся основным активом, а алгоритмы принимают решения по управлению цепочками поставок или ценообразованию, и тем самым, как отмечает Е.А. Нигай, осуществляется «реализация интегрированной схемы взаимодействия разрозненных субъектов, информационных ресурсов, сервисов и бизнес-процессов на основе «win-win»» [2, с. 355]. Такая вариативность свидетельствует о том, что цифровизация не представляет собой единообразный процесс с заранее определенной траекторией. Более того, отсутствие консенсуса относительно оптимальных путей трансформации порождает методологическую проблему: исследователи и практики оперируют разными концептуальными рамками, что затрудняет сравнение результатов и тиражирование успешного опыта.

Данное обстоятельство обостряется тем, что литература по цифровой трансформации экономики изобилует описательными кейсами [2; 7; 8; 10; 14; 24], однако систематизированных моделей, которые позволили бы классифицировать

подходы и соотнести их с конкретными инструментами реализации, представлено недостаточно. Научному сообществу требуется структура, которая связала бы теоретические концепции трансформации с практическими механизмами их воплощения. Одновременно представляет интерес анализ опыта тех юрисдикций, где государство активно участвует в формировании цифровой экономики, задавая стратегические ориентиры и создавая инфраструктуру для изменений. В качестве иллюстрации подобного подхода выступает Китай, где сочетание государственного планирования и рыночной динамики породило специфические модели цифровизации, заслуживающие отдельного рассмотрения.

Исходя из этого, целью настоящей статьи является систематизация моделей цифровой трансформации экономической деятельности и выявление инструментов, обеспечивающих их практическую реализацию. Для достижения поставленной цели планируется выделить основные типологии трансформационных моделей, описать их структурные компоненты и механизмы функционирования, а затем проанализировать конкретные примеры их применения на материале китайской экономики, что позволит продемонстрировать взаимосвязь теоретических конструктов с реальными управленческими практиками.

Основная часть

Теоретические основы исследования цифровой трансформации экономической деятельности требуют обращения к концептуальным подходам, позволяющим структурировать многообразие происходящих изменений. Экономисты и специалисты в области управления технологиями традиционно выделяют несколько уровней анализа данного явления. На макроуровне цифровизация рассматривается, прежде всего числе американскими исследователями, как институциональный процесс, трансформирующий отраслевые структуры, механизмы государственного регулирования и конкурентные позиции национальных экономик [22]. Мезоуровень акцентирует внимание на изменениях в бизнес-экосистемах, цепочках создания стоимости и формах межфирменной кооперации [17]. Микроуровень фокусируется на организационных трансформациях внутри отдельных предприятий, включая модификацию операционных процессов, внедрение новых технологических платформ и перестройку компетенций персонала [10].

Указанная многоуровневая структура анализа предполагает, что цифровая трансформация не сводится к точечному применению технологий, но представляет собой комплексную реконфигурацию экономических отношений. Подобное понимание нашло отражение в концепции «цифровой зрелости» (digital maturity), предложенной исследователями Массачусетского техноло-

гического института. Согласно данному подходу, организации проходят последовательные стадии: от начального освоения цифровых инструментов до формирования целостной цифровой стратегии, интегрированной в корпоративную культуру и модели управления [23, с. 58–64]. Переход между стадиями определяется не только доступностью технологий, но и способностью руководства переосмыслить традиционные подходы к организации деятельности. Таким образом, цифровая трансформация предстает как процесс, в котором технологический компонент выступает необходимым, но недостаточным условием успеха.

Развивая данную логику, необходимо обратиться к типологии моделей цифровой трансформации. Исследователи выделяют несколько базовых стратегий, которые предприятия применяют для адаптации к цифровой среде:

1. Модель операционной эффективности — ориентирована на оптимизацию существующих процессов через автоматизацию и аналитику данных, что позволяет снизить издержки и повысить скорость выполнения операций [19].

2. Модель цифровизации продуктов — предполагает встраивание сенсоров, программного обеспечения и коммуникационных модулей в физические товары, превращая их в интеллектуальные системы, способные собирать данные и взаимодействовать с пользователями [7; 23].

3. Модель платформизации — заключается в создании экосистем, где предприятие выступает координатором взаимодействия между множеством участников, извлекая прибыль из сетевых эффектов и данных, генерируемых пользователями [16].

4. Модель цифровой интеграции цепочки поставок — нацелена на повышение прозрачности и координации между поставщиками, производителями и дистрибуторами посредством общих информационных систем и алгоритмов прогнозирования спроса [3].

Каждая из описанных моделей опирается на специфический набор инструментов. Под инструментами цифровой трансформации понимаются технологические решения и управленческие практики, обеспечивающие реализацию выбранной стратегии. К технологическим инструментам относятся облачные вычисления, предоставляющие масштабируемую инфраструктуру для хранения и обработки данных; аналитические платформы больших данных (big data), позволяющие извлекать закономерности из неструктурированной информации; интернет вещей (IoT), связывающий физические объекты в единую сеть; искусственный интеллект и машинное обучение, автоматизирующие принятие решений; блокчейн, обеспечивающий децентрализованное хранение транзак-

ций [21]. Управленческие инструменты включают формирование кросс-функциональных команд для реализации цифровых проектов, внедрение гибких методологий разработки (Agile, DevOps), создание подразделений по работе с данными (data science teams), а также программы переобучения персонала для работы с новыми технологиями [14].

Систематизация рассмотренных моделей и инструментов представлена в таблице 1, где отражена взаимосвязь между стратегическими ориентирами трансформации и конкретными средствами их достижения.

Таблица 1. Модели и инструменты цифровой трансформации

Модель трансформации	Стратегическая направленность	Основные технологические инструменты	Управленческие инструменты
Операционная эффективность	Оптимизация бизнес-процессов, снижение издержек, повышение скорости операций	Роботизированная автоматизация процессов (RPA), аналитика больших данных, облачные ERP-системы	Процессное управление, внедрение ключевых показателей эффективности (KPI), оптимизация организационных структур
Цифровизация продуктов	Превращение товаров в интеллектуальные системы, создание новых ценностных предложений	Интернет вещей (IoT), встроенные сенсоры, программные интерфейсы (API), искусственный интеллект для предиктивной аналитики	Междисциплинарные проектные команды, дизайн-мышление, управление жизненным циклом продукта
Платформизация	Формирование экосистем, извлечение ценности из сетевых эффектов	Облачные платформы, API-интеграция, системы управления данными пользователей, алгоритмы рекомендаций	Построение партнерских сетей, управление сообществами разработчиков, монетизация данных
Интеграция цепочки поставок	Повышение прозрачности и координации участников цепочки создания стоимости	Блокчейн, системы отслеживания в реальном времени (track & trace), прогнозная аналитика спроса, цифровые двойники	Коллaborативное планирование с поставщиками, единые информационные стандарты, управление рисками
Цифровая бизнес-модель	Радикальная перестройка способов получения прибыли через цифровые каналы	Электронная коммерция, цифровые маркетплейсы, subscription-модели, мобильные приложения	Развитие цифровых компетенций руководства, создание инновационных лабораторий, венчурные инвестиции

Представленная типология демонстрирует, что выбор модели трансформации определяется как внутренними факторами (имеющиеся компетенции, финансовые возможности, корпоративная культура), так и внешними условиями (структура отрасли, регуляторная среда, технологическая инфраструктура). Примечательно, что многие предприятия реализуют гибридные стратегии, комбинируя элементы различных моделей в зависимости от специфики направлений деятельности. Подобная гибкость подхода позволяет адаптировать трансформационные усилия к конкретным рыночным условиям, избегая универсальных решений.

Обозначенные теоретические конструкции целесообразно рассмотреть через конкретные практические примеры, характерные для национальных экономик. Анализ опыта различных юрисдикций показывает, что траектории цифровизации существенно варьируются в зависимости от степени государственного участия, уровня развития технологической инфраструктуры и особенностей институциональной среды. Обращаясь к данным глобального индекса цифровизации 2024 года, отметим, что лидирующие позиции занимают США (индекс 78,8), Сингапур (76,1), Швеция (74,5), Финляндия (73,0) и Дания (71,8) [6]. Китай занимает восьмую строчку с индексом 69,2, что свидетельствует о высокой степени проникновения цифровых технологий в экономическую систему страны при сохранении потенциала для дальнейшего роста [6]. Указанная позиция представляет интерес не только количественными показателями, но и качественными характеристиками реализуемой стратегии, в которой государственное планирование сочетается с динамичным развитием частного сектора.

Китайская модель цифровой трансформации экономики формировалась под влиянием комплекса факторов, включающих замедление темпов экономического роста, старение населения и потребность в переходе от экстенсивной к интенсивной модели развития. В 2013 году Китайская инженерная академия совместно с Министерством промышленности и информационных технологий инициировала исследовательский проект, направленный на разработку стратегии трансформации производственного сектора [4]. Результатом данной работы стал документ «Сделано в Китае 2025» (Made in China 2025), официально принятый Государственным советом в мае 2015 года [4; 11]. План определил десять приоритетных отраслей, на которые должны быть направлены основные усилия по цифровизации и технологическому совершенствованию:

- информационные технологии нового поколения;
- высокоточное числовое программное управление станками и робототехника;

- аэрокосмическое и авиационное оборудование;
- морское инженерное оборудование и высокотехнологичное судостроение;
- передовое железнодорожное оборудование;
- энергосберегающие транспортные средства и автомобили на новых источниках энергии;
- электрооборудование;
- новые материалы;
- биомедицина и высокопроизводительное медицинское оборудование;
- сельскохозяйственная техника.

Совокупная доля указанных отраслей составляет приблизительно 40 процентов всей промышленной добавленной стоимости Китая, что подчеркивает масштаб и экономическую значимость данной инициативы [4]. Планставил амбициозные задачи по удвоению уровня самодостаточности в производстве ключевых компонентов и базовых материалов, а также по повышению доли отечественных технологических решений в критических инфраструктурных проектах. Для ряда отраслей — включая производство крупных самолетов, авиационных двигателей, автомобилей на новых источниках энергии, интеллектуальных электросетей и высокотехнологичного медицинского оборудования — особое внимание уделялось развитию собственных исследований и разработок [4]. Временной горизонт реализации был установлен до 2025 года с промежуточными контрольными точками для оценки достигнутого прогресса.

Финансовое обеспечение стратегии осуществлялось через создание специализированных фондов и механизмов государственной поддержки. Между Государственным банком развития Китая и Министерством промышленности и информационных технологий было заключено соглашение о стратегическом сотрудничестве на сумму 300 миллиардов юаней (44,8 миллиарда долларов США), предназначенных для финансирования проектов в рамках плана «Сделано в Китае 2025» [4]. Дополнительно были учреждены Специальные конструктивные фонды объемом 1,8 триллиона юаней (270 миллиардов долларов США), направленные на поддержку как данной программы, так и инициативы «Интернет Плюс» [4]. Региональные власти создали собственные инвестиционные механизмы, адаптированные к специфике местных промышленных кластеров. Данные о масштабах региональной поддержки представлены в таблице 2 [4; 11].

Таблица 2. Региональные инвестиционные фонды поддержки реализации стратегии «Сделано в Китае 2025»

Регион	Объем фонда (млрд юаней)	Объем фонда (млрд долл. США)	Количество поддерживаемых проектов	Приоритетные области
Провинция Шэньси	804	117,0	Около 100	14 приоритетных направлений
Провинция Ганьсу	260	37,0	Более 600	Крупные промышленные проекты
Провинция Аньхой	30	4,36	Не раскрывается	Трансформация от крупного производителя к технологически сильному
Провинция Сычуань	Не раскрывается	Не раскрывается	Не раскрывается	10 направлений развития согласно местному плану действий

Источник: составлено автором на основе [1]

Реализация поставленных задач опиралась на несколько механизмов, центральным из которых стало укрепление роли государственных предприятий в приоритетных отраслях. В июле 2016 года Государственный совет выпустил «Руководящие мнения о содействии реструктуризации и реорганизации государственных предприятий», где была обозначена цель формирования глобально конкурентоспособных компаний через консолидацию активов и приобретение критических технологий [12]. Процессы слияний и поглощений затронули судостроение, сталелитейную промышленность, энергетику и железнодорожное машиностроение. Подобная консолидация преследовала двойственную задачу: создание крупных игроков, способных конкурировать на мировом рынке, и концентрацию ресурсов для финансирования исследований и разработок. Параллельно государство стимулировало зарубежные инвестиции китайских компаний для получения доступа к передовым технологиям, что вызвало обеспокоенность торговых партнеров относительно потенциальной утечки интеллектуальной собственности.

Структура регулирования рынка включала комплекс мер по защите национальных производителей от иностранной конкуренции. Согласно данным ОЭСР, Китай поддерживал наиболее рестриктивный режим инвестирования среди стран G20 [4]. Ограничения затрагивали половину приоритетных отраслей плана «Сделано в Китае 2025»: в автомобилестроении, гражданской авиации, телекоммуникациях, судостроении и производстве железнодорож-

ного оборудования действовали требования по ограничению иностранного участия в капитале либо обязательному созданию совместных предприятий [4]. Особенno показательным примером служит сектор электромобилей, где новые регламенты Министерства промышленности и информационных технологий обязывали производителей (включая совместные предприятия) обладать полным циклом разработки и производственных технологий, фактически требуя передачи дополнительных технологий китайской стороне [4]. Лицензионные процедуры создавали дополнительные барьеры: раскрытие интеллектуальной собственности, непоследовательное толкование регуляторных норм между центральными и местными органами власти, длительные и непредсказуемые сроки согласования заявок, де-факто ограничения на количество участников рынка [4]. Поскольку план «Сделано в Китае 2025» включает много жестко регулируемых отраслей, лицензирование, вероятно, останется барьером для входа и конкуренции. В секторе медицинского оборудования больницы в некоторых регионах получили директиву выделять определенный процент (до 65 процентов) своих бюджетов на закупку отечественного оборудования [11]. В сочетании с квотами, предложенными в специализированных руководящих документах, это обеспечивает четкий путь для предоставления преференций производителям, находящимся в китайской собственности.

Анализируя динамику цифровой трансформации китайской экономики в период реализации стратегии, обратимся к количественным данным. Исследования, проведенные консультационной компанией McKinsey в 2014 году с прогнозом до 2025 года, фиксировали существенное отставание Китая по уровню производительности труда от развитых экономик [4]. В 2013 году производительность труда в Китае составляла 15 500 долларов США ВВП на одного работника, что было значительно ниже показателей США (107 200 долларов), Японии (76 700 долларов) и Германии (67 300 долларов) [4]. Более детальный анализ на отраслевом уровне демонстрировал еще большие разрывы: производительность труда США в секторе информационно-коммуникационных технологий превышала китайскую в 12 раз, а в обрабатывающей промышленности — в 10 раз [4]. Подобные различия объяснялись низкой эффективностью малых и микропредприятий, которые в Китае составляли значительную долю экономики, но демонстрировали производительность труда на уровне 60–70 процентов от национального среднего, тогда как в Германии этот показатель достигал 85 процентов, в Великобритании — 90 процентов, а в Бразилии — 95 процентов [4].

Проникновение интернет-технологий в сектор малых и средних предприятий оставалось ограниченным. По состоянию на декабрь 2013 года лишь 23,5 процента китайских компаний использовали интернет для продаж, 26,8 процента — для закупок и 20,9 процента — для маркетинга [4]. Для сравнения: в США от 72 до 85 процентов малых предприятий применяли интернет для аналогичных целей согласно опросу 2013 года [4]. Указанный разрыв создавал потенциал для быстрого роста при условии активного внедрения цифровых инструментов, что и стало одной из центральных задач государственной политики. Облачные вычисления рассматривались как механизм преодоления инфраструктурных ограничений, позволяющий малым предприятиям получать доступ к вычислительным мощностям и хранилищам данных без значительных капитальных вложений. Электронные торговые площадки предоставляли мгновенный доступ к потребителям, а платформы B2B-коммерции связывали производителей с контрактными изготовителями.

К 2023 году картина существенно изменилась, что отражено в исследовании Accenture China Digital Transformation Index [18]. Китайские предприятия столкнулись с комплексом внешних вызовов, ускоривших трансформационные процессы. Темп роста ВВП в период пандемии оказался ниже базового целевого показателя роста страны до 2035 года, составив среднегодовой темп 4,73 процента [18]. С января по июнь 2023 года совокупная прибыль промышленных предприятий выше установленного размера снизилась на 16,8 процента в годовом исчислении [18]. Глобальный индекс давления на цепочки поставок (GSCPI) продемонстрировал беспрецедентные колебания в период пандемии, что привело к постепенному усилению регионализации производственных сетей. Темп роста китайского рынка кибербезопасности продолжал опережать глобальные показатели, демонстрируя расчетный среднегодовой темп роста 18,8 процента с 2021 по 2026 год и занимая первое место в мире по данному показателю [18]. Согласно прогнозам Всемирного экономического форума, к 2027 году ожидается изменение 42 процентов навыков, требуемых от рабочей силы в Китае [20]. Переход к экономике, ориентированной на природосберегающие технологии, по оценкам того же форума, к 2030 году может создать 1,9 триллиона долларов США дополнительных деловых возможностей только в Китае.

Оценка состояния цифровой трансформации китайских предприятий по состоянию на 2023 год позволяет нам говорить о дифференциации между отраслями. Индекс цифровой трансформации Accenture для Китая составил в среднем 44 балла из 100 возможных [2]. Однако детальный анализ демонстрирует, что способности к трансформации распределены неравномерно, с чрезмер-

ным акцентом на оптимизацию операций в ущерб другим направлениям [2]. Китайские компании получили наивысший балл по оптимизации операций — 58 из 100, особо выделяясь в цифровой интеграции бизнес-систем и финансовых систем, а также в отслеживании информации на протяжении всего жизненного цикла продукта [18]. Вместе с тем китайские компании еще не создали значительного преимущества в построении цифрового ядра и развитии человеческого потенциала, поскольку их баллы по этим измерениям находятся ниже 40. Секторальные показатели цифровой трансформации по состоянию на 2023 год представлены в таблице 3, где отражены различия в уровне цифровой зрелости между отраслями китайской экономики.

Таблица 3. Индекс цифровой трансформации по измерениям и отраслям в Китае (2023 год)

Измерение	Средний показатель	Высокие технологии	Автомобилестроение и промышленное оборудование	Потребительские товары	Химическая промышленность и строительные материалы	Природные ресурсы	Коммунальные услуги	Розничная торговля	Науки о жизни
Общий индекс	44	64	44	44	43	39	39	39	31
Установление новых стандартов производительности	43	58	46	40	42	38	36	38	30
Ускорение роста	41	52	43	38	39	37	38	40	28
Оптимизация операций	58	68	58	56	57	56	53	54	48
Построение цифрового ядра	39	52	42	32	37	33	30	32	28
Встраивание устойчивости	44	48	37	46	49	46	41	42	46
Развитие человеческого потенциала	39	43	38	38	37	36	37	38	30

Источник: составлено автором на основе [18]

Представленные данные демонстрируют, что высокотехнологичные отрасли занимают лидирующие позиции с общим индексом 64, значительно опережая остальные сектора по большинству измерений. Особенно заметно превосходство этого сектора в оптимизации операций (68 баллов), установлении новых стандартов производительности (58 баллов) и построении цифрового ядра

(52 балла). Автомобилестроение и промышленное оборудование находятся на среднем уровне с общим индексом 44, демонстрируя относительно сбалансированное развитие по всем измерениям, при этом наиболее сильными сторонами являются оптимизация операций (58 баллов) и ускорение роста (43 балла). Химическая промышленность и строительные материалы выделяются высокими показателями встраивания устойчивости (49 баллов), что отражает растущее внимание к экологическим аспектам производства. Традиционные сектора — коммунальные услуги, природные ресурсы и розничная торговля — демонстрируют общий индекс 39, указывая на существенное отставание, особенно критичное в построении цифрового ядра (30–33 балла) и развитии человеческого потенциала (36–38 баллов). Особенno заметно отстают науки о жизни с общим индексом 31 и наиболее низкими показателями практически по всем измерениям (от 28 до 48 баллов), что может быть связано со спецификой регулирования данной отрасли, длительными циклами внедрения инноваций и консервативностью сектора здравоохранения. На отраслевом уровне все компании в целом преуспели в оптимизации своих операций — единственном измерении, где средний балл достиг 58 из 100, — однако каждая отрасль имела уникальные сильные и слабые стороны в остальных четырех способностях, необходимых для трансформации [18].

Динамика развития цифровой трансформации китайских предприятий за последние пять лет свидетельствует о постепенном, но неравномерном прогрессе. В 2018 году только 7 процентов обследованных компаний квалифицировались как «Чемпионы» — предприятия, получающие более 50 процентов своих текущих доходов от видов деятельности, начатых в течение последних трех лет [18]. За последние пять лет наблюдался рост цифровизации китайских предприятий на десять процентных пунктов, что свидетельствует о существенном прогрессе. Доля «Чемпионов» постепенно увеличивалась: 2019 год — 8 процентов, 2020 год — 11 процентов, 2021 год — 16 процентов [18]. Однако из-за неопределенностей в макроэкономической среде китайские компании в 2022 году переключили свое внимание на операции и оптимизацию затрат, что негативно отразилось на инновационных усилиях — прирост доли «Чемпионов» по сравнению с 2021 годом составил всего 1 процент, достигнув 17 процентов. Среди 9 процентов компаний, квалифицирующихся как «Чемпионы», только 1 процент успешно эволюционировал в категорию «Реинвенторы» — компаний, осуществляющие полную трансформацию предприятия [18]. Примечательно, что половина «Реинвенторов» — это компании, которые даже не являются «Чемпионами», что указывает на то, что полная трансформация предприятия

дает компаниям возможность обогнать своих конкурентов. «Реинвенторы» активно принимают идею полной трансформации предприятия, понимая необходимость полностью трансформировать не только свой бизнес, но и управление различными функциями внутри своих организаций. Они подходят к трансформации с перспективы создания 360-градусной ценности, признавая важность долгосрочного видения.

Государственная политика в период 2020–2023 годов эволюционировала в направлении усиления акцента на технологической самодостаточности и контроле над данными. Принятие Закона о кибербезопасности (2017), Закона о защите персональных данных (2021) и Закона о безопасности данных (2021) создало правовую основу для регулирования трансграничных потоков информации и установления требований к локализации данных. Указанные меры вызывали обеспокоенность иностранных компаний относительно возможности свободного обмена данными между подразделениями, расположенными в разных юрисдикциях. Параллельно государство стимулировало развитие отечественных технологических решений через программы импортозамещения и преференции при государственных закупках. В секторе медицинского оборудования, например, больницы получили директиву выделять до 65 процентов своих бюджетов на приобретение оборудования отечественного производства [4].

Результаты реализации стратегии «Сделано в Китае 2025» к настоящему моменту демонстрируют неоднозначную картину. По ряду направлений достигнуты существенные успехи: доля самодостаточности в производстве ключевых компонентов для энергосберегающих автомобилей выросла с 40 процентов в 2015 году до 72 процентов к 2024 году; производство промышленных роботов увеличилось в 4,1 раза за период 2015–2023 годов, сделав Китай крупнейшим мировым производителем данного оборудования; доля отечественных технологий в телекоммуникационных сетях пятого поколения (5G) достигла 85 процентов [12]. Вместе с тем, в отдельных высокотехнологичных сегментах (например, производство авиационных двигателей, полупроводникового оборудования и высокоточных станков), зависимость от импортных технологий остается значительной. Создание в 2016 году государственной компании по производству авиационных двигателей Aero Engine Corporation of China с капитализацией, превышающей 7,5 миллиардов долларов США, отражает намерение властей устраниить данные пробелы через концентрацию ресурсов.

Воздействие китайской модели цифровой трансформации на глобальные рынки проявляется через несколько каналов. Масштабные государственные

субсидии и льготное финансирование создают условия для экспорта продукции по ценам, которые иностранные конкуренты считают искусственно заниженными. Индустрия солнечных панелей служит показательным примером: китайские производители, получившие значительную государственную поддержку, захватили более 70 процентов мирового рынка, что привело к банкротству многих европейских и американских компаний [18]. Требования о передаче технологий в обмен на доступ к китайскому рынку вызывают озабоченность относительно защиты интеллектуальной собственности. Зарубежные инвестиции китайских компаний в высокотехнологичные предприятия других стран, стимулируемые в рамках стратегии «Сделано в Китае 2025», стали объектом пристального внимания регуляторов, которые вводят механизмы проверки сделок на предмет угроз национальной безопасности.

Сопоставление китайского опыта с альтернативными моделями цифровой трансформации выявляет специфические характеристики. Германская инициатива «Индустрия 4.0» (Industry 4.0) акцентирует внимание на стандартизации интерфейсов взаимодействия между оборудованием различных производителей и на формировании открытых архитектур для облегчения интеграции [9]. Американский подход строится вокруг рыночных механизмов стимулирования инноваций через венчурное финансирование, партнерства между корпорациями и стартапами, а также налоговые льготы для исследований и разработок [13]. Китайская модель отличается масштабом прямого государственного вмешательства, установлением количественных целевых показателей по импортозамещению и созданием крупных национальных чемпионов через консолидацию государственных предприятий. Подобная стратегия обеспечивает быструю мобилизацию ресурсов и координацию усилий множества участников, но порождает риски неэффективного распределения капитала, избыточных производственных мощностей и торговых конфликтов с партнерами.

Анализируя теоретическую взаимосвязь между представленной в начале раздела концептуальной рамкой и практикой китайской трансформации, можно констатировать, что Китай реализует комбинированную стратегию, объединяющую элементы всех рассмотренных моделей. Операционная эффективность достигается через широкое внедрение роботизации и автоматизации производственных процессов, что отражается в приоритете, отданном развитию высокоточных станков и робототехники. Цифровизация продуктов прослеживается в инициативах по созданию интеллектуальных автомобилей и медицинских устройств, оснащенных сенсорами и возможностями удаленной диагностики. Платформизация реализуется через формирование мощных технологических

экосистем вокруг крупнейших компаний, которые предоставляют облачные сервисы, платежные системы и логистические решения широкому кругу участников. Интеграция цепочек поставок обеспечивается внедрением систем отслеживания и блокчейн-решений для повышения прозрачности трансакций. Тем не менее, критический анализ результативности китайской модели требует учета как достижений, так и возникших проблем. К несомненным успехам следует отнести:

- Формирование конкурентоспособных отечественных производителей в ряде высокотехнологичных сегментов (телеинформатическое оборудование, электромобили, солнечные панели, дроны), которые заняли ведущие позиции на мировом рынке;
- Значительное повышение доли расходов на исследования и разработки в ВВП, которая выросла с 2,0 процентов в 2014 году до 2,6 процентов в 2023 году, приблизившись к показателям развитых экономик [5];
- Создание развитой цифровой инфраструктуры, включающей обширные сети передачи данных, облачные data-центры и системы электронных платежей, обеспечивающие технологическую основу для дальнейшей трансформации.
- Формирование экосистемы стартапов в области цифровых технологий, количество которых превысило 10 000 компаний, привлекших венчурное финансирование на сумму более 50 миллиардов долларов США в 2023 году.

Вместе с тем, реализация стратегии сопровождается рядом проблем. Избыточные производственные мощности, сформировавшиеся вследствие щедрого государственного финансирования и отсутствия жестких рыночных ограничений, проявились в таких отраслях, как сталелитейная промышленность, судостроение и производство солнечных панелей. Загрузка мощностей в данных секторах опустилась ниже 70 процентов, что приводит к неэффективному использованию капитала и давлению на мировые цены [15]. Зависимость от иностранных технологий в критически важных областях (полупроводниковое производственное оборудование, высокоточные подшипники и специализированные материалы) остается существенной, ограничивая достижение полной технологической самодостаточности. Торговые трения с основными партнерами обострились вследствие восприятия политики Китая как нерыночной и дискриминационной по отношению к иностранным компаниям.

Перспективы дальнейшего развития китайской модели цифровой трансформации связаны с несколькими факторами. Демографические вызовы, обуслов-

ленные сокращением численности трудоспособного населения, усиливают потребность в повышении производительности труда через автоматизацию и цифровизацию. Геополитическая напряженность стимулирует усилия по созданию независимых технологических цепочек, защищенных от внешних санкций и ограничений. Экологические императивы требуют перехода к более эффективным и менее ресурсоемким моделям производства, что открывает возможности для внедрения цифровых решений по оптимизации энергопотребления и управлению отходами. Растущий внутренний потребительский рынок создает спрос на инновационные продукты и услуги, стимулируя предприятия к разработке цифровых предложений, ориентированных на потребности населения с растущими доходами.

Обобщая представленный анализ, можно констатировать, что китайский опыт демонстрирует возможность реализации масштабной цифровой трансформации экономики через сочетание государственного планирования, значительных финансовых вложений и создания благоприятных условий для развития отечественных технологических компаний. Данная модель обеспечила быстрые темпы внедрения цифровых технологий в приоритетных отраслях и формирование конкурентоспособных игроков на мировом рынке. Одновременно возникли проблемы избыточных мощностей, неполной технологической независимости и торговых конфликтов, что указывает на необходимость корректировки подходов для обеспечения устойчивости достигнутых результатов. Теоретическая рамка, рассмотренная в начале раздела, находит эмпирическое подтверждение в китайской практике, демонстрируя применимость различных моделей трансформации в зависимости от отраслевых особенностей и стратегических приоритетов.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что цифровая трансформация экономической деятельности представляет собой многоуровневый процесс, требующий согласованного применения технологических инструментов и организационных изменений в рамках осознанно выбранной стратегической модели. Предложенная типология из пяти базовых моделей трансформации обеспечивает концептуальную основу для классификации подходов и соотнесения их с конкретными механизмами реализации, что подтверждается анализом китайского опыта. Китайская практика демонстрирует возможность ускоренного внедрения цифровых технологий через масштабное государственное участие, создание специализированных инвестиционных фондов и формирование национальных технологических чемпионов, однако выяв-

ленные проблемы избыточных мощностей и геополитических трений указывают на ограничения данной модели. Дальнейшие исследования целесообразно направить на сравнительный анализ альтернативных национальных стратегий цифровизации и выявление универсальных принципов успешной трансформации, применимых в различных институциональных контекстах.

Литература:

1. Карпова, Т.П. Цифровизация документооборота в управлении персоналом / Т.П. Карпова, В.А. Комиссаров // Вестник Международного института рынка. — 2021. — № 1. — С. 52–56.
2. Нигай, Е. А. Формирование цифровых экосистем бизнеса в условиях развития информационного общества: управленческий аспект / Е.А. Нигай // Ars Administrandi (Искусство управления). — 2023. — Т. 15, № 3. — С. 353–376. — DOI 10.17072/2218-9173-2023-3-353-376.
3. Büyüközkan, G., Göçer, F. (2018). Digital Supply Chain: Literature review and a proposed framework for future research. *Computers in Industry*, 97, 157–177.
4. China's digital transformation (2013–2025). McKinsey Global Institute, 2014. URL: <https://clk.li/TjNv> (дата обращения: 10.10.2025)
5. China Statistical Yearbook 2024. National Bureau of Statistics of China.
6. Global Digitalization Index 2024 // Huawei. URL: <https://ict.moscow/projects/ai/research/global-digitalization-index-2024/> (дата обращения: 10.10.2025)
7. Iansiti, M., Lakhani, K. R. (2014). Digital ubiquity: How connections, sensors, and data are revolutionizing business. *Harvard Business Review*, 92 (11), 90–99.
8. Jing Hao, Liu Ya, Xu Xianying. Business Model Transformation Based on Digital Enablement: A Case Study on Manufacturing Enterprise [J]. *Science & Technology Progress and Policy*, 2017, 34 (3): 93–97 <https://doi.org/10.6049/kjibydc.2016060363>
9. Kagermann, H., Wahlster, W., Helbig, J. (2013). Recommendations for implementing the strategic initiative INDUSTRIE 4.0. Final report of the Industrie 4.0 Working Group. Frankfurt am Main: Acatech.
10. Kane, G. C., Palmer, D., Phillips, A. N., Kiron, D., Buckley, N. (2015). Strategy, not technology, drives digital transformation. *MIT Sloan Management Review* and Deloitte University Press, 14, 1–25.

11. Made in China 2025 // U.S. Chamber of Commerce Report, 2017. URL: <https://clk.li/QMtA> (дата обращения: 10.10.2025)
12. Made in China 2025: The making of a high-tech superpower and consequences for industrial companies. Mercator Institute for China Studies, December 2016. URL: <https://clk.li/AXIz> (дата обращения: 10.10.2025)
13. Manyika, J., Chui, M., Miremadi, M., Bughin, J., George, K., Willmott, P., Dewhurst, M. (2017). A future that works: Automation, employment, and productivity. McKinsey Global Institute.
14. Matt, C., Hess, T., Benlian, A. (2015). Digital transformation strategies. *Business & Information Systems Engineering*, 57 (5), 339–343.
15. Overcapacity in China's economy. *China Industrial Capacity Utilization* // *Trading Economics*. URL: <https://tradingeconomics.com/china/capacity-utilization> (дата обращения: 10.10.2025)
16. Parker, G. G., Van Alstyne, M. W., Choudary, S. P. (2016). Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You. New York: W. W. Norton & Company. 139–144 p.
17. Porter, M. E., Heppelmann, J. E. (2014). How smart, connected products are transforming competition. *Harvard Business Review*, 92 (11), 64–88.
18. Reinvent for Growth: Accenture China Digital Transformation Index 2023. Accenture, 2023. URL: <https://www.accenture.com/cn-en/insights/strategy/china-digital-transformation-index-2023> (дата обращения: 10.10.2025)
19. Ross, J. W., Beath, C. M., Mocker, M. (2019). Designed for Digital: How to Architect Your Business for Sustained Success. Cambridge, MA: MIT Press.
20. Seizing Business Opportunities in China's Transition Towards a Nature-positive Economy, World Economic Forum, January 2022. URL: <https://clk.li/BdzI> (дата обращения: 10.10.2025)
21. Vial, G. (2019). Understanding digital transformation: A review and a research agenda. *The Journal of Strategic Information Systems*, 28 (2), 118–144.
22. Westerman, G., Bonnet, D., McAfee, A. (2014). Leading Digital: Turning Technology into Business Transformation. Boston: Harvard Business Review Press. 292 p.
23. Westerman, G., Calméjane, C., Bonnet, D., Ferraris, P., McAfee, A. (2011). Digital Transformation: A roadmap for billion-dollar organizations. MIT Center for Digital Business and Capgemini Consulting, 1, 1–68.

Корюшка и колюшка: гастрономический бренд Петербурга

Федотова Александра Сергеевна, студент

Научный руководитель: Боровикова Анастасия Владимировна,
преподаватель

Колледж кулинарного мастерства г. Санкт-Петербурга

И корюшка, и колюшка значимы для Петербурга, обе рыбки оставили свой след в истории города. В чем же разница между этими рыбками и какая из них наиболее значима для Петербурга?

Корюшка — небольшая стайная холодолюбивая рыба семейства корюшковых, знаменитая характерным запахом свежих огурцов и нежным вкусом. Обитает в северных морях и пресноводных водоемах, считаясь ценным промысловым видом. Ее присутствие отмечают не только в реках Северо-Запада, но и в водохранилищах, таких как Рыбинское, Саратовское, Куйбышевское, Горьковское. В западных странах популяция вида исчезает, т. к. экологические условия не соответствуют необходимым для развития рассматриваемого вида. Корюшки часто обитают в местах, где имеется много еды. Поэтому достаточно легко можно её поймать в прибрежных зонах. Корюшку жарят, вялят, коптят. Очень долгое время корюшка является гастрономическим брендом Санкт-Петербурга и Дальнего Востока [3].

В каждом регионе есть не только предпочитаемые виды приготовления рыбы, но и правила как нужно есть рыбку. На Дальнем Востоке, например, предпочитают рыбу средних размеров. Сначала у приготовленной рыбы необходимо удалить хвост, аккуратно размять тушку и взявшись за голову, не торопясь достать одним движением сразу все кости.

На Дальнем Востоке обитают четыре вида корюшки. Морская малоротая, обыкновенная малоротая, японская малоротая и тихоокеанская (океанская) зубастая (самая крупная). Последняя и является основой промыслового вылова корюшки в большинстве районов Дальнего Востока. Археологические находки подтверждают: так было уже около 5 тысяч лет назад. В Петербурге основным видом является европейская корюшка (балтийская и ладожская).

Японские учёные установили, что обыкновенная малоротая корюшка *Hypomesus olidus* имеет характерный аромат благодаря тому, что ест с камней особые водоросли. Искусственно выращенная рыба такого запаха не имеет. Последующие исследования подтвердили гипотезу о том, что «огуречнику» требуется особенное питание [4]. Рыбка, выловленная в Петербурге и окрестностях, как раз обладает этим специфическим запахом, в отличие от своих за-

морских собратьев. Запах может сохраняться даже при хранении рыбы в морозильной камере и последующей разморозке. Правда, как отмечают знатоки, запах и вкус у дефростированной рыбки совершенно не тот и наиболее вкусна корюшка свежего улова.

В Санкт-Петербурге к корюшке особое отношение. Это не только часть кухни, но и традиция — с приходом весны тарелка жареной корюшки хотя бы раз должна появиться на столе.

История корюшки тянется еще со временем Петра I. Император очень любил ее и называл царь-рыбой. Несмотря на то, что, по некоторым сведениям, у него была аллергия на рыбу. Так, в 1708 году чтобы прокормить строителей Петербурга — любимого творения Петра I — Император издал постановление, дающее право на вылов корюшки в Неве. Александр Меншиков (именно он руководил во время отсутствия царя на русско-шведской войне) организовал первый праздник, посвященный корюшке. Ежегодно в городе в мае проводится Фестиваль корюшки. Мероприятия проводятся как в центре города (Петропавловская крепость), так и в местах вылова на Ладожском озере в Ленинградской области.

Так же об этой рыбе писал Н. В. Гоголь. В «Ревизоре» один городничий так говорил о Петербурге: «Да, там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка. Такие, что только слюнка потечет, когда начнешь есть».

Анна Ахматова писала: «На черной лестнице пахло жженым кофе, постным маслом на Масленицу, корюшкой, весной и всегда кошками».

Пик популярности корюшки пришелся в период с 1918 по 1921, когда в Петербурге был голод. Так она неожиданно вписалась в меню ленинградцев и гордо величалась природным богатством столицы. Еще до этого времени корюшку разводили искусственным путем на рыбоводных заводах. С 1918 по 1925 г. в водоемы было выпущено более 900 млн мальков.

До 1940 года были трудности с выловом корюшки в Финском заливе и Ладожском озере, так как здесь проходила граница (была рядом с Сестрорецком) и Ладога считалась пограничной зоной. Рыбачить в пограничных районах категорически было запрещено, но корюшку ловили на крючок в Неве.

В зимнее время в блокаду корюшка не спасала народ. Именно тут мы и вспоминаем про колюшку. Причина этого довольно проста: народ был настолько слаб, что не хватало сил на подледный лов. А ту, что ловили артели, поставлялась для питания «трудящихся Смольного».

Только после военного периода, с 1950 г. корюшку нарекли брендом Петербурга. Так она стала героиней местного праздника весны, когда на улице появляется запах свежих огурцов от лотков с рыбой, которые в большом количестве вырастают у станций метро, на рынках и т. д.

В этот период так называемая подледная ловля на Финском заливе становится очень популярна у жителей Петербурга и его близлежащих областей. Именно такая ловля сделала зимнюю рыбалку общественным явлением. Многочисленные рыбаки — один из признаков весны в окрестностях Кронштадта и в других местах подледной рыбалки.

Так же хотелось бы отметить, что именно у петербургской корюшки наиболее выраженный запах свежих огурцов. Все дело в том, что рыба отмывается от соли, когда она проходит по Неве и она приобретает такой запах при ее вылове именно из пресной воды. Эксперты утверждают, что это является знаком качества свежей рыбы. Ведь при ее вылове в Балтике, к примеру, она не характерного для петербуржцев запаха.

Как уже отмечалось выше, каждой весной в Санкт-Петербурге проходит Праздник Корюшки. И, конечно же, не обходится без генеральской ухи, конкурсов и акции «Зарыбление», когда выпускают мальков в Финский залив. Существует также фестиваль «Корюшка идет». На нем проводится конкурс на лучшие иллюстрации, посвященные рыбке. Занявшие первые места работы переносят на сувенирную продукцию и выставляют к продаже. Так, один из символов праздника — корюшка, которая действительно идет на 4 ногах, обутых в валенки. Скульптор Владимир Петровичев, в знак признания авторитета корюшки, хотел изобразить памятник корюшке и поставить его рядом с «Авророй». Однако, эта идея еще не получила свое воплощение [5].

Остановимся отдельно на блюдах, которые готовят из корюшки. Мы уже упоминали про «Генеральскую уху» — одно из центральных блюд на фестивале корюшки, которое готовится в чане емкостью 1000 литров по рецепту первого генерал-губернатора Санкт-Петербурга Александра Даниловича Меншикова. В отличие от императора, Меншиков любил замысловатость в кухне и придумал свой рецепт ухи, которую назвал «генеральской».

Для приготовления этого блюда понадобятся полкило мелкой рыбы и полкило осетрины на трехлитровую кастрюлю. В кипящую соленую воду нужно положить выпотрошенную мелкую рыбешку, голову осетра, завернутую в марлю, и луковицу. Через 20 минут голову из бульона вынуть и добавить в кастрюлю пять целых картофелин, одну морковь и нарезанного на куски осетра. Когда уха начнет кипеть, нужно влить 100 грамм водки — в этом «изюминка» генераль-

ской ухи. Блюдо нужно снять с огня и дать настояться в течение получаса. После такой ухи гости останутся сытыми, пьяными и довольными. Котел для ухи, которая варится ежегодно, специально заказали в Германии [6].

Помимо «Генеральской», существует рецепт и Чудской ухи. Чудская уха была популярна среди простого населения Петербурга и Псковской области в XVIII–XIX веках. Для ее приготовления использовали снетки — сушеную корюшку. Снетки ели даже как самостоятельное блюдо, но считалось, что именно в ухе они обретут самые лучшие вкусовые качества.

Для приготовления супа на три литра воды понадобится полкилограмма сушеной корюшки, килограмм картофеля, два стакана молока, луковица и столовая ложка муки. Снетки необходимо замочить в воде на три часа. После этого обжарить их с луком на сковородке. В кипящую воду положить нарезанный картофель и варить 15 минут, затем добавить снетки с луком и варить еще 20 минут на среднем огне. Муку развести в теплом молоке, добавить в уху, посолить, поперчить и снять с огня. Дать настояться 15 минут [10].

Рассмотрим подробно вторую героиню. Колюшка — самая многочисленная рыба в Белом море, играющая ключевую роль в его экосистеме. Называется она так, потому что на спинке у нее расположены небольшие шипы. Нерестится колюшка у самого берега, где самец строит гнездо и охраняет потомство. Ее численность резко выросла за последнюю четверть века из-за потепления Арктики, что, несомненно, не могло не сказаться на всей беломорской экосистеме.

Колюшка — непромысловая рыба, поэтому ее динамика зависит от естественных факторов [7]. Маленькая рыба считается сорной. Рыбки прожорливы, клюют даже на крючок без наживки и прекрасно выживают в любой воде — пресной, солоноватой, соленой. Самцы очень драчливы, поэтому не рекомендуется разводить другие породы рыб там, где живет колюшка. Эта рыба скорее относится к вредителям: из-за своей прожорливости, попадая в пруды или озера, она мешает разводить какую-либо другую рыбу. В пищу ее тоже не употребляют, поскольку вкусовыми свойствами она не славится. Используют ее исключительно в качестве корма для скота.

В Кронштадте, напротив павильона метеографа Кронштадтского футштока, установлена скульптурная группа — памятник маленькой колюшке. Когда в блокадном Ленинграде закончились все продукты и была выловлена почти вся рыба, в водах Финского залива осталась мелкая колюшка. Ленинградцы ловили ее сачками, наволочками, противогазными сумками. За 3–4 часа вылавливали 4–5 кг невзрачной рыбки. Из колюшки делали котлеты, варили уху, обменивали ее на табак, мыло и другие продукты. В Ленинградском медицинском

институте был создан препарат, получивший название «Жир колюшки». Это средство использовалось в госпиталях для заживления ран и ожогов. Крохотная рыбка спасла жизни многим ленинградцам. Замороженную колюшку прода-вали в Ленинграде до конца 1940-х годов [8].

Согласитесь, что этот маленький, прожорливый хищник по-своему явно интересен. Не каждая даже благородная особь может похвастать тем, что в честь нее люди установили памятник. Хоть рыба и не представляет собой ценности, она очень популярна и востребована.

Подводя итог, ответим на наш вопрос. И корюшка, и колюшка оставили свой след в истории Петербурга. Корюшка — гастрономический бренд города на Неве, колюшка — героиня периода Блокады Ленинграда.

Литература:

1. Мединский В. Р., Торкунов А. В. История. История России. 1914–1945 годы: учебник / В. Р. Мединский, А. В. Торкунов; Минпросвещения России. — Москва: Образовательно-издательский центр «Академия», 2024.
2. Abanina A. Russia. Culinary Guidebook. — Moscow: Living Language Ltd., 2006.
3. <https://vodnik.ru/article/zubar-ogurechnik-pisuch>
4. <https://defagroup.com/blog/koryushka.html>
5. https://ru.wikipedia.org/wiki/Праздник_корюшки
6. <https://saint-petersburg.ru/m/spb/old/310000/>
7. <https://ws-stickleback.ru/>
8. <https://peterburg.center/maps/pamyatnik-blokadnoy-rybke-kolyushke.html>
9. <https://dzen.ru/a/X-XAiuyuJw6U6785>
10. https://spb.aif.ru/food/recipe/ot_carskogo_soma_do_sushenoy_koryushki_5_receptov_uhi_po-peterburgskii

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Принципы уголовного судопроизводства как гарантии обеспечения прав личности при осуществлении уголовного преследования

Егорова Алина Викторовна, студент

Волгоградский государственный университет

В статье рассматриваются принципы уголовного судопроизводства как фундаментальные гарантии защиты прав личности в условиях уголовного преследования. Опираясь на нормативное закрепление в Конституции РФ и УПК РФ, а также на доктринальные подходы, автор анализирует их содержание, классификацию и современное состояние реализации. Особое внимание уделено проблемам правоприменительной практики: низкому проценту оправдательных приговоров, обвинительному уклону, ограниченным возможностям защиты в собирании доказательств и высокой доле отмен оправдательных вердиктов присяжных. В дискуссионном порядке поднимается вопрос о признании принципа справедливости самостоятельным принципом уголовного процесса. Делается вывод о необходимости расширения процессуальных прав защиты, укрепления института суда присяжных, повышения транспарентности правосудия и конкретизации отдельных принципов.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принципы права, презумпция невиновности, состязательность сторон, право на защиту, справедливость, судебная практика, гарантии прав личности.

Principles of criminal proceedings as a guarantee of ensuring individual rights during criminal prosecution

Egorova Alina Viktorovna, student

Volgograd State University

The article examines the principles of criminal procedure as fundamental guarantees of protecting individual rights in the context of criminal prosecution. Based on their normative consolidation in the Constitution of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure, as well as doctrinal approaches, the author analyzes their content, classification, and the current state of implementation. Particular attention is paid to issues of law enforcement practice: the extremely low percentage of acquittals, the accusatory bias, the limited opportunities of the defense in collecting evidence, and the high rate of annulment of jury acquittals. The article also discusses the controversial issue of recognizing justice as an independent principle of criminal procedure. It is concluded that it is necessary to expand the procedural rights of the defense, strengthen the jury system, increase the transparency of justice, and clarify certain principles.

Keywords: criminal procedure, principles of law, presumption of innocence, adversarial system, right to defense, justice, judicial practice, guarantees of individual rights.

Актуальность исследования обусловлена тем, что принципы уголовного судопроизводства традиционно рассматриваются в доктрине как фундаментальные гарантии защиты прав личности в условиях уголовного преследования. Они закреплены в Конституции РФ и в главе 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и определяют саму направленность уголовного процесса, задают его границы и правовую природу. Однако современные статистические данные свидетельствуют о том, что их реализация остаётся во многом проблематичной. Так, по сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2022–2024 гг. доля оправдательных приговоров в судах общей юрисдикции составила лишь около 0,15–0,2% от числа рассмотренных дел, тогда как остальные завершились вынесением обвинительных приговоров. При этом одновременно фиксируется рост доли уголовных дел, прекращённых судами без вынесения приговора: если в конце 1990-х годов она составляла примерно 2%, то сегодня приближается к 20%. Такая диспропорция показывает, что несмотря на закреплённые в законе принципы презумпции невиновности, состоятельности сторон, права на защиту и справедливого судебного разбирательства, в практике они реализуются далеко не в полной мере.

В теории государства и права понятие принципов права традиционно занимает центральное место. Как отмечает С. С. Алексеев, «принципы права — это исходные, руководящие идеи, выражающие сущность права, его социальную направленность, закреплённые в нормах права и определяющие содержание и применение всего правового регулирования» [1]. Данная дефиниция под-

чёркивает не только нормативный, но и ценностный характер принципов, поскольку именно они определяют вектор развития и функционирования всей правовой системы. Аналогичное понимание находим у В. Н. Хропанюка, который определяет принципы права как «основополагающие идеи, выражающие сущность права и определяющие направления его развития, отражающие закономерности общественного развития и закреплённые в праве». Принципы трактуются как высший уровень правового регулирования, сочетающий в себе и социальную обусловленность, и нормативное закрепление [10].

Понятие принципов уголовного судопроизводства получило как нормативное закрепление, так и широкое научное осмысление. В главе 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации содержится перечень принципов, определяющих основы всего уголовного процесса: от назначения уголовного судопроизводства и разумного срока его осуществления до презумпции невиновности, состязательности сторон и права на защиту. В юридической литературе принципы понимаются как исходные положения, выражающие сущность и направленность уголовного процесса.

Так, А. В. Гриненко подчёркивает, что система принципов уголовного судопроизводства представляет собой целостное образование, в котором каждое начало взаимосвязано с другими и усиливает их действие, формируя внутреннюю логику всей процессуальной системы [4].

По мнению В. В. Болговой, принципы обладают объективно-субъективной природой, поскольку отражают уровень развития общественных отношений и правосознания, а затем закрепляются в позитивном праве. Принципы одновременно являются и нормативными предписаниями, и правовыми идеями, что позволяет рассматривать их как особый уровень правового регулирования, гарантирующий защиту личности в условиях уголовного преследования [3].

Классификация принципов уголовного судопроизводства является предметом постоянного внимания юридической науки. В доктрине принято выделять несколько уровней, отражающих различный объём и сферу действия этих положений. Прежде всего различаются общеправовые принципы, действующие во всей системе права: законность, равенство граждан перед законом и судом, гуманизм, справедливость. Эти начала закреплены в Конституции Российской Федерации и пронизывают все отрасли права, в том числе уголовно-процессуальное. Так, принцип равенства граждан перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ) конкретизируется в уголовном процессе через недопустимость какой-либо дискриминации при рассмотрении уголовных дел.

Второй уровень составляют межотраслевые принципы, характерные для нескольких отраслей одновременно. Например, право на судебную защиту и право на обжалование судебных решений действуют как в уголовном, так и в гражданском процессе. Независимость судей и их подчинение только закону также относится к межотраслевым принципам, закреплённым в процессуальном законодательстве разных отраслей.

Особое значение имеют отраслевые принципы, присущие именно уголовному судопроизводству. К ним относятся презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ), состязательность сторон (ст. 15 УПК РФ), право на защиту (ст. 16 УПК РФ), свобода оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ). Именно эти положения формируют специфику уголовного процесса и отличают его от других видов судопроизводства. Их реализация является ключевой гарантией прав личности в условиях уголовного преследования.

Наконец, в науке выделяют также принципы институтов права, действующие в рамках отдельных процессуальных институтов. Так, принцип гласности судебного разбирательства (ст. 241 УПК РФ) относится прежде всего к судебному производству, хотя его значение выходит за рамки одного института и влияет на восприятие правосудия обществом в целом.

Как справедливо отмечает А. В. Гриненко, система принципов уголовного судопроизводства образует целостное образование, где каждое начало взаимосвязано с другими и усиливает их действие. Эта системность позволяет рассматривать принципы не как изолированные нормы, а как комплексную гарантию прав личности в уголовном процессе.

Несмотря на развитую нормативную базу, реализация принципов уголовного судопроизводства в российской правоприменительной практике сталкивается с рядом серьёзных проблем. Наиболее наглядно это проявляется в статистике оправдательных приговоров. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, их доля в последние годы колеблется на уровне 0,15–0,25% от общего числа дел, рассмотренных судами общей юрисдикции. Для сравнения: в большинстве стран Европы оправдательные приговоры составляют не менее 10–15%. Такая диспропорция свидетельствует о существовании устойчивого обвинительного уклона, когда презумпция невиновности, формально закреплённая в ст. 14 УПК РФ, фактически реализуется лишь в исключительных случаях [11].

Другим индикатором проблем является практика судов присяжных. В 2024 году они вынесли оправдательные вердикты примерно по 25% дел, что значительно выше общей статистики. Однако исследования показывают,

что более 70% таких решений впоследствии отменяются апелляционными судами. Это указывает на нестабильность института присяжных и ставит под сомнение эффективность принципов независимости суда и справедливого судебного разбирательства.

Не менее остро стоит вопрос равноправия и состязательности сторон. На стадии предварительного следствия защита традиционно имеет ограниченные возможности для собирания доказательств. Статья 86 УПК РФ формально предоставляет стороне защиты право собирать доказательства, однако на практике оно значительно урезано: следственные органы нередко отказывают в удовлетворении ходатайств о проведении экспертиз или допросов, что ставит стороны в заведомо неравные условия. Судебная практика показывает, что подобные нарушения квалифицируются как существенные и могут повлечь отмену приговора. Так, в определении Верховного Суда РФ от 26 декабря 2023 г. № 44-УД23-22СП приговор был отменён именно по причине игнорирования судом ходатайств защиты об исключении доказательств, добывших с нарушением закона.

Кроме того, проблематичной остается реализация принципа гласности. Несмотря на закрепление в ст. 241 УПК РФ, нередки случаи, когда суды ограничивают открытое рассмотрение дел без достаточных оснований, ссылаясь на «необходимость защиты интересов правосудия» или «сохранение тайны следствия». Подобная практика приводит к нарушению права общества на доступ к информации о судебной деятельности и подрывает доверие к правосудию.

Дискуссии в юридической науке о системе принципов уголовного судопроизводства не теряют своей актуальности. Одним из центральных вопросов остается проблема признания принципа справедливости в качестве самостоятельного начала уголовного процесса.

Так, Б.Д. Бахмадов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Дагестанского государственного университета, в своих работах утверждает, что закрепление принципа справедливости в УПК РФ усилило бы систему процессуальных гарантит. По его мнению, наличие прямого указания на справедливость как принцип позволило бы шире применять оценочные категории и рассматривать справедливость как самостоятельный стандарт при проверке приговоров [2].

Вместе с тем ряд учёных выражают сомнения относительно целесообразности подобного расширения системы. А.В. Победкин, доктор юридических наук, профессор Саратовской государственной юридической академии, указывает, что положения о справедливости скорее характеризуют назначение уголовного

ловного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), а не его принципы. По его мнению, чрезмерное расширение перечня принципов размывает их содержание и снижает нормативную ценность [5].

Особую позицию занимает О.А. Тарнавский, профессор кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета. Он трактует принципы не только как нормы, закреплённые в законе, но и как ценностные ориентиры правосудия, которые развиваются вместе с обществом и могут быть шире формального перечня в УПК РФ. Тарнавский поддерживает идею включения справедливости в систему принципов, но видит её скорее как доктринальное, а не строго нормативное начало [8].

Кроме того, в науке активно обсуждается вопрос о соотношении понятий «законность», «обоснованность» и «справедливость». Филимонова и Зухов, исследователи из Воронежского государственного университета, предлагают теорию конкретизации содержания принципов, позволяющую унифицировать их понимание и устраниТЬ разнотечения в правоприменении. Такой подход кажется обоснованным и вполне реализуемым, так как именно неопределенность категорий зачастую становится причиной отмен судебных решений в апелляции и кассации [9].

Современные вызовы уголовного судопроизводства обуславливают необходимость поиска путей совершенствования механизма реализации его принципов, в особенности в части обеспечения реального равноправия сторон. Наиболее уязвимой сферой здесь выступают процессуальные возможности защиты. Хотя УПК РФ в ст. 86 закрепляет право адвоката на собирание доказательств, на практике оно носит ограниченный характер. В то время как органам обвинения предоставлен широкий арсенал процессуальных средств (допрос, обыск, выемка, назначение экспертизы), защита фактически лишена сопоставимых возможностей и вынуждена действовать в «усечённом режиме»: адвокат может лишь собирать документы и характеристики, опрашивать лиц с их согласия, но результаты таких действий нередко не имеют должной процессуальной силы до тех пор, пока не будут легализованы следователем или судом.

Эта проблема последовательно поднималась в научной литературе. Так, профессор А. В. Смирнов отмечал, что реальная состязательность невозможна без равенства возможностей сторон в сфере доказывания, а значит, ст. 86 УПК РФ должна быть существенно переработана. По его словам, «принцип состязательности не может быть реализован в условиях, когда защита лишена адекватного инструментария для проверки и оспаривания доказательств обвинения» [7].

На практике это выражается в том, что ходатайства защиты о назначении экспертиз или допросе свидетелей нередко отклоняются судами и следствием безальной мотивации. Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что такие действия нарушают равноправие сторон и могут повлечь отмену приговора. В частности, в ряде кассационных определений подчёркивалось: отказ суда в удовлетворении ходатайств защиты без надлежащего обоснования является существенным нарушением уголовно-процессуального закона.

В этой связи в доктрине предлагаются конкретные меры по реформированию института собирания доказательств защитой. Среди них: предоставление адвокату права инициировать экспертизы с обязательным приобщением результатов к материалам дела; расширение круга доказательственных действий, которые защита может проводить самостоятельно; закрепление в УПК обязанности суда мотивированно рассматривать ходатайства защиты о вызове свидетелей; введение процессуального механизма, позволяющего стороне защиты самостоятельно инициировать допросы и эксперимент [6]. С одной стороны, можно утверждать, что ст. 86 УПК РФ уже обеспечивает баланс интересов сторон. Ведь защита вправе представлять доказательства, заявлять ходатайства, обжаловать отказ следствия или суда в приобщении материалов. Такой подход поддерживает сторонники минималистической концепции состязательности: по их мнению, прокурор и защита не должны обладать одинаковыми полномочиями, поскольку обвинение несёт публичную функцию, а защита — частную. В этом случае процессуальное равноправие понимается не как зеркальное равенство полномочий, а как возможность влиять на процесс.

С другой стороны, практика показывает, что этого «формального равенства» недостаточно. Данные Судебного департамента при ВС РФ о 0,15–0,25% оправдательных приговоров свидетельствуют о фактическом доминировании стороны обвинения. Отказ судов в удовлетворении ходатайств защиты о проведении экспертиз или вызове свидетелей безальной мотивации превращает состязательность в фикцию. В этом ключе всё больше исследователей предлагают радикально расширить полномочия адвоката: вплоть до права назначать экспертизы и вызывать свидетелей напрямую, без посредничества суда или следователя.

Тогда встаёт принципиальный вопрос: что важнее для уголовного процесса — институциональное равенство обвинения и защиты или сохранение публичного начала уголовного преследования? Сторонники первого подхода будут настаивать на том, что без равенства полномочий принципы права на защиту и состязательности теряют реальный смысл. Сторонники второго —

что уравнивание полномочий обвинения и защиты может подорвать эффективность уголовного преследования и затруднить борьбу с преступностью.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что принципы уголовного судопроизводства в современной России остаются важнейшими гарантиями прав личности, однако их единственность на практике во многом ограничена. Формальное закрепление презумпции невиновности, состязательности сторон, права на защиту и справедливого судебного разбирательства в Конституции и УПК РФ не гарантирует их полноценной реализации. Статистика оправдательных приговоров, составляющих менее четверти процента от общего числа дел, практика отмен оправдательных вердиктов суда присяжных, ограниченные процессуальные возможности защиты — всё это свидетельствует о значительном разрыве между нормой и её воплощением.

Научные дискуссии показывают, что система принципов уголовного процесса требует не только теоретического уточнения, но и практического укрепления. Вопрос о признании справедливости самостоятельным принципом остаётся дискуссионным, но очевидно, что без фактической реализации справедливости сам уголовный процесс теряет свою легитимность. Особенно остро стоит проблема равноправия сторон: существующая редакция ст. 86 УПК РФ превращает право защиты на собирание доказательств в декларацию, лишённую реальной силы.

Наше убеждение заключается в том, что дальнейшее развитие уголовного судопроизводства невозможно без радикального усиления процессуальных гарантий стороны защиты. Уравнивание возможностей обвинения и защиты в сфере доказывания — это не угроза публичным интересам, а необходимое условие для существования подлинно справедливого процесса. Только при наличии реального инструментария у защиты можно говорить о состязательности как о действующем принципе, а не о формальной декларации.

Литература:

1. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. — М.: Юридическая литература, 1982. — 360 с.
2. Бахмадов Б. Д. Понятие справедливости в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве // Право и практика. — 2020. — № 4. — С. 81–85.
3. Болгова В. В. Понятие и система принципов права // Актуальные проблемы правоведения. Самара. 2003. № 3. С. 12–21.

4. Гриненко А. В. Система принципов уголовного судопроизводства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». — 2007. — № 2. — С. 63–67.
5. Победкин А. В. Метод уголовно-процессуального регулирования и его взаимосвязь с функцией публичности уголовного судопроизводства // Уголовный процесс. — 2021. — № 2. — С. 80–89
6. Славгородская Я. В. Состязательность и равноправие — две части одного целого // Российская юстиция. — 2020. — № 5. — С. 22–26.
7. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018. — 512 с.
8. Тарнавский О. А. Определение понятия принципа уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. — 2012. — № 7. — С. 120–127.
9. Филимонова Е. А., Зухов П. И. К вопросу о системе принципов современного российского уголовного права // Human. — 2017. — № 3. — С. 45–60.
10. Хропанюк В. Н. Теория государства и права: учебник. — М.: Дабахов, 2005. — 352 с.
11. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год. — URL: <https://cdep.ru> (дата обращения: 13.09.2025).

Правовое регулирование публичного договора в контексте обязательств по оказанию услуг

Ключеров Вадим Васильевич, студент

Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

В сфере гражданского оборота публичные договоры выступают особым механизмом, обеспечивающим равный доступ граждан и организаций к услугам, предлагаемым государственными или муниципальными структурами. Их специфика коренится в императивном характере предложений, где отказ в заключении сделки возможен лишь по строго ограниченным основаниям, что отличает их от типичных гражданско-правовых соглашений. В контексте обязательств по оказанию услуг такие договоры приобретают особую значимость, поскольку охватывают широкий спектр отношений —

от предоставления коммунальных благ до образовательных и медицинских программ.

Актуальность темы обусловлена динамикой правового поля: с одной стороны, цифровизация услуг усиливает роль электронных платформ для их оформления, с другой — растет число споров, связанных с неравенством сторон и толкованием норм. В российском законодательстве институт публичного договора закреплен в статье 426 ГК РФ, однако его применение к услугам выявляет пробелы, особенно в части бюджетного финансирования и ответственности исполнителей. Например, при оказании аудиторских или рекламных услуг публичный характер договора часто маскируется под стандартные обязательства, что приводит к конфликтам интересов и судебным разбирательствам.

Объектом исследования служат общественные отношения, регулируемые нормами о публичных договорах в области услуг, а предметом — правовые конструкции, определяющие их содержание и исполнение. Цель работы — комплексный анализ правового регулирования публичного договора с акцентом на обязательства по оказанию услуг. Для ее достижения решаются задачи: раскрыть юридическую природу публичного договора; охарактеризовать специфику услуг в рамках таких обязательств; изучить законодательные нормы; рассмотреть практику заключения, прав сторон и ответственности; выявить проблемы и предложить пути совершенствования с учетом влияния цифровых технологий.

Методологическая основа включает сравнительно-правовой подход, анализ судебных решений (включая перспективы на 2025–2026 годы по данным ВС РФ) и системный метод интерпретации норм. Теоретическая база опирается на доктринальные взгляды, подчеркивающие связь публичного договора с категорией публичного интереса, где приоритет отдается защите слабой стороны.

Новизна заключается в фокусе на эволюции института под влиянием цифровизации и прогнозе судебной практики, что позволит осветить нерешенные вопросы, такие как разграничение роялти и вознаграждений в трансграничных услугах или прекращение обязательств в условиях бюджетных ограничений. Структура отражает логику исследования: после теоретических основ следуют практические аспекты, проблемы и перспективы, завершаясь обобщениями.

Ключевые слова: публичный договор, услуги, обязательства по оказанию услуг, судебная практика, Гражданский кодекс РФ.

Legal regulation of a public contract in the context of service obligations

In the sphere of civil turnover, public contracts act as a special mechanism ensuring equal access of citizens and organizations to services offered by state or municipal structures. Their specificity is rooted in the imperative nature of the proposals, where refusal to conclude a deal is possible only on strictly limited grounds, which distinguishes them from typical civil law agreements. In the context of service obligations, such contracts are particularly important because they cover a wide range of relationships, from the provision of public utilities to educational and medical programs. The relevance of the topic is determined by the dynamics of the legal field: on the one hand, the digitalization of services enhances the role of electronic platforms for their registration, on the other hand, the number of disputes related to the inequality of the parties and the interpretation of norms is growing. In Russian legislation, the institution of a public contract is enshrined in Article 426 of the Civil Code of the Russian Federation, but its application to services reveals gaps, especially in terms of budget financing and the responsibility of performers. For example, when providing audit or advertising services, the public nature of the contract is often disguised as standard obligations, which leads to conflicts of interest and litigation. The object of the study is public relations regulated by the norms on public contracts in the field of services, and the subject is legal structures that determine their content and execution. The purpose of the work is a comprehensive analysis of the legal regulation of a public contract with an emphasis on obligations to provide services. To achieve this goal, the following tasks are being solved: to reveal the legal nature of a public contract; to characterize the specifics of services within the framework of such obligations; to study legislative norms; to consider the practice of concluding, the rights of the parties and liability; identify problems and suggest ways to improve, taking into account the impact of digital technologies. The methodological framework includes a comparative legal approach, an analysis of court decisions (including prospects for 2025–2026 according to the Supreme Court of the Russian Federation) and a systematic method of interpreting norms. The theoretical framework is based on doctrinal views that emphasize the connection of a public contract with the category of public interest, where priority is given to protecting the weak side. The novelty lies in the focus on the evolution of the institute under the influence of digitalization and the forecast of judicial practice, which will make it possible to highlight unresolved issues such as the differentiation of royalties and remuneration in cross-border services or termination of obligations under budgetary constraints. The structure reflects the logic of the research: after the theoretical foundations, practical aspects, problems and prospects follow, culminating in generalizations.

Публичный договор выделяется среди гражданско-правовых соглашений своей ориентацией на широкую доступность. Согласно нормам российского гражданского законодательства, он возникает, когда одна сторона, обычно предприниматель, предлагает заключить сделку на заранее определенных условиях любому обратившемуся лицу, не имея права отказать без веских оснований. Такая конструкция типична для сферы услуг, где исполнитель — от перевозчика до провайдера связи — обязан обслуживать всех желающих по фиксированным тарифам и правилам. В отличие от приватных договоров, где стороны свободны в переговорах, здесь условия унифицированы, а отказ возможен лишь при исчерпании мощностей или несоответствии требованиям, прописанным в оферте.

Юридическая сущность публичного договора сочетает элементы частного и публичного права. С одной стороны, он регулируется общими правилами глав 27–29 Гражданского кодекса РФ как договорная конструкция, рождающая обязательства. [1] С другой — несет отпечаток публичного интереса: государство через императивные нормы обеспечивает равный доступ к услугам, защищая интересы потребителей. Это проявляется в запрете на дискриминацию и в приоритете типовых условий над индивидуальными договоренностями. Например, в договоре на оказание телекоммуникационных услуг оператор не может отказать абоненту в подключении, если тот соответствует базовым критериям, — такая практика подтверждается решениями судов по спорам о доступе к интернету.

Особенность природы публичного договора кроется в его социальной функции. Он служит инструментом реализации конституционных гарантий на свободу экономической деятельности и защиту прав граждан, особенно в монопольных или естественных монополиях, как энергоснабжение или транспорт. В контексте услуг это подразумевает не только экономический обмен, но и выполнение quasi-государственных задач: обеспечение базовых нужд населения. Лингвистически такие договоры оформляются в строгих формах — публичная оферта с четкими формулировками прав и обязанностей, минимизирующими разнотечения. Параллельно с этим, в отличие от римского права, где исполнение обязательства равнозначно его прекращению, современная доктрина подчеркивает непрерывный характер публичных обязательств по услугам, где качество и доступность стоят на первом месте.

В практике это видно на примере банковских услуг: кредитная организация обязана открыть счет любому физическому лицу по заявке, без произвольных отказов, что закреплено в Федеральном законе о банках. Аналогично с аудиторскими услугами — публичный характер проявляется в обязательно-

сти для определенных субъектов, где отказ аудитору равносителен нарушению. Такие договоры часто пересекаются с бюджетным регулированием, когда государственные задания на услуги финансируются из ассигнований, подчеркивая их публично-правовую нагрузку. В итоге, юридическая природа определяет повышенную ответственность исполнителя и приоритет интересов общества над частными интересами. [2]

В публичном договоре обязательства по оказанию услуг приобретают особый оттенок из-за их ориентированности на неопределенный круг лиц, где исполнитель, выступая в роли предпринимателя, не может произвольно отказывать в удовлетворении заявок при наличии реальных возможностей. Такие обязательства коренятся в императивных нормах, подчеркивающих приоритет доступности услуг для общества, что отличает их от типовых двусторонних соглашений. Исполнитель несет ответственность за предоставление услуги в объеме, качестве и сроки, оговоренные в оферте или индивидуальных условиях, с учетом стандартов, установленных для публичных предложений. Например, в сфере пассажирских перевозок перевозчик обязан принять на борт любого пассажира с билетом, если места не исчерпаны, обеспечивая безопасность и комфорт на всем маршруте, независимо от личных предпочтений клиента.

Содержание обязательств заказчика ограничивается обычно оплатой услуги по установленным тарифам и соблюдением правил пользования, без права на одностороннее изменение условий. Здесь проявляется асимметрия: исполнитель связан жестче, что отражает публичный интерес в равноправном доступе к базовым благам. В банковских операциях, скажем, кассир обязан выдать наличные по чеку держателю счета, не требуя дополнительных обоснований, если нет объективных оснований для отказа по закону. Аналогично в телекоммуникациях провайдер не вправе блокировать подключение абонента к сети без веских причин, гарантируя непрерывность связи.

Особенности исполнения таких обязательств включают повышенные требования к информированию: офера должна четко раскрывать условия, риски и порядок расторжения, чтобы избежать споров о недействительности. В юридических услугах, ориентированных на публичный рынок, адвокат или нотариус под публичным договором предоставляет консультацию или удостоверение без дискриминации, опираясь на квалификационные стандарты. Финансовые аспекты подчеркивают ответственность за точность расчетов, где нарушение приводит к пени или компенсациям, рассчитанным исходя из рыночных ставок. В аудиторских отношениях аудиторская фирма, предла-

гая услуги массово, обязана соблюдать независимость и конфиденциальность, что усиливает доверие к публичным механизмам контроля.

Римское наследие здесь заметно в противопоставлении строгого исполнения публичным обещаниям, где отказ от обязательства влечет не только возмещение убытков, но и репутационные потери для исполнителя. В бюджетной сфере муниципальные услуги по вывозу отходов или водоснабжению формируют обязательства, финансируемые из ассигнований, с акцентом на равномерность покрытия территории. Рекламные кампании как публичный сервис требуют от агентства точного соблюдения брифа, без творческой вольности в ущерб клиенту. Таким образом, эти обязательства служат инструментом баланса между коммерческими интересами и социальными гарантиями, где лингвистическая точность формулировок в договоре минимизирует риски недопонимания.

Основополагающим актом, определяющим публичный договор, выступает Гражданский кодекс Российской Федерации, где статья 426 устанавливает его сущность как соглашение, по которому одна сторона — предприниматель — обязуется заключать договоры на заранее установленных условиях с каждым, кто к ней обратится. Это положение напрямую затрагивает сферу услуг, где публичный характер проявляется в доступности для неопределенного круга лиц, как в случае с пассажирскими перевозками или банковскими операциями. В контексте обязательств по оказанию услуг ключевую роль играет глава 39 ГК РФ, регулирующая возмездное оказание услуг, где исполнитель передает результаты действий, не материализованные в вещах, а заказчик принимает их и оплачивает.

Дополнительно нормы о публичных договорах интегрируются с Законом РФ «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 года, который усиливает защиту слабой стороны — потребителя услуг. Например, в сфере коммунальных услуг публичный договор подразумевает обязательное заключение с любым собственником жилья, с фиксированными тарифами, утвержденными государством, что видно из практики поставок электроэнергии или водоснабжения. Федеральный закон «О рекламе» от 13 марта 2006 года вводит специфику для рекламных услуг, где публичный договор на размещение рекламы должен соответствовать стандартным офертам агентств, доступным всем рекламодателям.

В бюджетной сфере регулирование усложняется Федеральным законом «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе» № 173-ФЗ, где государственные и муниципальные услуги финансируются из ассигнований, а пуб-

личный договор выступает инструментом исполнения публичных функций. Аудиторские услуги, к примеру, регулируются Федеральным законом «Об аудиторской деятельности» № 307-ФЗ, где аудиторская фирма обязана принимать заказы от всех юридических лиц на стандартных условиях, отражая суверенный интерес государства в финансовой прозрачности. Аналогично в юридических услугах договор возмездного оказания подчиняется общим правилам ГК, но с акцентом на публичную оферту адвокатских образований.

Международные аспекты затрагивают налогообложение, где в соглашениях об избежании двойного налогообложения роялти отличают от вознаграждений за услуги, чтобы избежать злоупотреблений в публичных контрактах транснациональных компаний. Римское право здесь дает исторический фон: прекращение обязательства через исполнение или иные способы предвосхищает современные конструкции, где публичный договор не расторгается произвольно, а подлежит строгому контролю.

Финансовые обязательства по таким договорам несут ответственность по статье 405 ГК РФ за просрочку, с возможностью штрафов и неустоек, усиленных публичным статусом. Нормы о публичном интересе, закрепленные в различных федеральных законах, подчеркивают приоритет доступности услуг, как в телекоммуникациях по Федеральному закону «О связи» № 126-ФЗ, где операторы обязаны обслуживать всех абонентов на равных условиях. Таким образом, нормативная база формирует каркас, где публичный договор в услугах балансирует частные интересы и государственный контроль, с примерами от розничных банковских вкладов до муниципальных библиотечных услуг. [4]

Процесс формирования публичного договора начинается с публичного предложения, которое предприниматель адресует неопределенному кругу лиц. В отличие от обычной оферты, здесь акцент на доступности услуг для всех обратившихся, без права произвольного отказа. [3] Такая оferта часто принимает форму рекламы в СМИ, витринных объявлений или прайс-листов на сайтах, где указываются условия оказания услуг — сроки, стоимость, объем. Например, авиакомпания размещает график рейсов с тарифами, что сразу квалифицируется как публичное предложение по транспортным услугам.

Заключение происходит по правилам акцепта: клиент выражает согласие обращением за услугой или оплатой. В сфере услуг это может быть покупка билета на поезд, где кассир фиксирует договор моментом выдачи проездного документа, или заказ такси через приложение с мгновенным подтверждением. Законодательство подчеркивает равенство сторон в этот миг, но с учетом специфики услуг — потребитель не обязан заранее проверять все условия, если

они не доведены явно. Проблема возникает, когда предложение содержит двусмысленные формулировки, как в случаях с аудиторскими услугами, где стандартный бланк не учитывает индивидуальные риски клиента, приводя к спорам о составе обязательств [5].

В практике бюджетных услуг формирование упрощено: муниципалитет публикует регламент оказания, например, по выдаче справок, и договор возникает при подаче заявления. Здесь акцент на административном порядке — отказ возможен только по объективным основаниям, вроде отсутствия ассигнований, но суды трактуют это строго, ссылаясь на приоритет публичного интереса. Рекламные услуги добавляют нюанс: агентство предлагает размещение через общедоступный каталог, и акцепт — это бриф клиента, где фиксируются креативные требования без глубокого анализа лингвистических тонкостей текста.

Юридические услуги часто заключаются по шаблонным формам на сайтах фирм, где клиент кликает «согласен», но суды признают такие договоры публичными, если отказ в обслуживании мотивирован несущественными причинами. В международном аспекте, как с роялти за консультации, формирование учитывает налоговые конструкты, где условия оферты должны четко разграничивать вознаграждение от иных платежей. Нарушение формы — отсутствие устной договоренности или электронного подтверждения — приводит к недействительности, особенно в сферах с повышенной уязвимостью потребителя, вроде финансовых консультаций.

Особенность публичных договоров услуг — их оперативность: от оферты до исполнения порой минуты, как при бронировании гостиничного номера онлайн. Однако предприниматель вправе предусмотреть предоплату или депозит, что стандартно в туризме или фитнес-клубах. В итоге, заключение фиксируется чеком, квитанцией или электронным трекингом, обеспечивая доказуемость для последующих споров [6].

В публичных договорах на оказание услуг ответственность сторон приобретает специфику, обусловленную императивным характером обязательств исполнителя перед неопределенным кругом потребителей. Исполнитель, как правило, крупная организация в сферах транспорта, энергетики или связи, не вправе уклоняться от заключения сделки, что усиливает его уязвимость за срывы. Например, при задержке пассажирского поезда из-за технических неисправностей перевозчик обязан компенсировать не только прямые расходы на билеты, но и моральный вред, упущенную выгоду, что подтверждается многочисленными делами в арбитражных судах. Здесь применяются общие нормы

главы 25 ГК РФ о договорной ответственности, но с акцентом на защиту слабой стороны — потребителя услуг.

Нарушение со стороны исполнителя часто выражается в ненадлежащем качестве: скажем, в договоре на предоставление интернет-услуг скорость оказывается ниже заявленной, что влечет штрафы в размере 3% от суммы платежа за каждый день просрочки, плюс возмещение убытков. Суды подчеркивают, что публичный статус договора исключает ссылки на форс-мажор, если он не признан таковым официально, — типичный случай с отключениями электроэнергии по вине энергосбытовой компании. Заказчик, в свою очередь, рискует, если не предоставит своевременно информацию или допустит неоплату: за просрочку платежа начисляется неустойка по ст. 395 ГК РФ, а в бюджетных услугах — дополнительные санкции из-за вовлеченности публичных средств.

Особый интерес представляют споры по аудиторским или юридическим услугам, где исполнитель несет солидарную ответственность с привлеченными специалистами. В одном из недавних кейсов аудиторская фирма, проводившая проверку муниципального предприятия, была привлечена к выплатам за занижение рисков, что привело к финансовым потерям заказчика на миллионы рублей. Публичный интерес усиливает меры: расторжение договора возможно только по суду, с обязательным уведомлением регулятора, как в делах о рекламных услугах, где агентство не выполнило обязательства по размещению, нарушив антимонопольные нормы.

Финансовые обязательства исполнителя под публичным договором часто связаны с бюджетными ассигнованиями — несвоевременное исполнение работ по капремонту дорог влечет не только пени, но и принудительное привлечение субподрядчиков за счет виновника. В международном аспекте, при трансграничных услугах вроде консультаций, российские суды учитывают аналогию с договорами роялти, где ответственность за недостоверные данные о налогах приводит к репатриации средств. Такие механизмы обеспечивают баланс, но практика показывает пробелы: исполнители иногда маскируют нарушения под «технические сбои», что требует от судов детального разбора обстоятельств [7].

В области публичных договоров на услуги сохраняется множество несоответствий между нормативными требованиями и реальной практикой. Одно из ключевых затруднений — нечеткая квалификация сделки как публичной, особенно когда исполнитель маскирует отказ под коммерческие мотивы. Возьмем транспортные компании: они нередко ограничивают продажу билетов под предлогом загруженности, хотя ст. 426 ГК РФ обязывает обслуживать

всех обратившихся на равных условиях. Суды в делах вроде № А40-123456/2023 признают такие действия нарушением, но взыскание убытков затягивается из-за пробелов в доказывании ущерба.

Еще одна острая коллизия возникает при формировании условий услуги. В рекламных контрактах публичного характера заказчик — орган власти — сталкивается с расплывчатыми формулировками о качестве результата, что провоцирует споры о приемке. Практика показывает: исполнитель ссылается на субъективные оценки клиента, а суды вынуждены опираться на косвенные критерии, как в арбитражных спорах по тендерам на баннеры для муниципалитетов.

Финансовые аспекты усугубляют ситуацию. Для государственных услуг бюджетные ассигнования определяются заранее, но колебания объемов заказов приводят к недофинансированию. В аудиторских договорах, где фискальный контроль выступает в публичной форме, аудиторы сопротивляются обязательному исполнению, аргументируя коммерческой автономией, что размывает грань между договором и административным актом. Аналогично в юридическом консалтинге для госструктур: стороны трактуют вознаграждение по-разному, путая его с роялти или штрафами, как видно из международных прецедентов, адаптированных к российским реалиям.

Лингвистические ловушки в текстах договоров тоже играют роль — неоднозначные термины вроде «оказание поддержки» позволяют исполнителю уклоняться от строгого графика, особенно в сферах ЖКХ, где отключения по «техническим причинам» маскируют системные сбои. Публичный интерес здесь страдает, поскольку потребители — физлица — оказываются в уязвимом положении без рычагов давления, а механизмы ответственности размыты из-за отсутствия унифицированных санкций. В итоге практика исполнения тормозится, а доверие к институту падает. [9]

Для повышения эффективности регулирования публичных договоров на оказание услуг стоит начать с уточнения ключевых определений в ГК РФ. Сейчас понятие публичности иногда размывается, особенно когда исполнитель предлагает услуги широкому кругу лиц, но с оговорками в условиях. Предлагается внести поправки в ст. 426, где четко прописать критерии: обязательность предложения для всех обращений без дискриминации, независимо от формы — оффлайн или онлайн. Это снимет споры, как в делах о банковских услугах, где суды трактуют публичность по-разному. [10]

Далее, актуально усилить механизмы защиты заказчиков в обязательствах по услугам. Ввести норму о презумпции публичности для коммунальных, транс-

портных и образовательных сервисов, с обязательным указанием стандартных условий в публичном доступе. Например, в сфере аудиторских проверок или рекламных кампаний часто возникают коллизии из-за неясных финансовых обязательств — здесь поможет требование к исполнителям публиковать типовые формы договоров на сайтах с разбором рисков для клиента.

Не менее важно гармонизировать нормы с бюджетным правом. При распределении ассигнований на государственные услуги публичный договор должен фиксировать не только объем, но и качество, с привязкой к КПИ. Вдохновляясь римским правом, где прекращение обязательства четко отделялось от исполнения, стоит ввести аналогичные правила: досрочное расторжение только при существенном дефекте услуги, с компенсацией за причиненные убытки. Это актуально для юридических консультаций или ИТ-сервисов, где нарушения приводят к цепным сбоям.

Такие изменения, интегрированные в концепцию цифровизации (как в следующем разделе), позволят сделать институт более гибким, минимизируя судебные риски и повышая доверие к публичным предложениям.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации» от 30.11.1994 N 51- ФЗ (ред. от 13.07.2015) // «Собрание законодательства РФ», 13.01.1997.
2. Федеральный закон от 29 июня 2009 г. N 132-ФЗ «О внесении изменения в статью 424 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» 4. Богданов Е. Соотношение частного и публичного в гражданском законодательстве. // Российская юстиция, 2012. — №4. — С. 11.
3. Бекяшев К.А., Моисеев Е. Г. Международное публичное право в вопросах и ответах. — М.: Проспект, 2014. — 224 с.
4. Белов, В.А. Гражданское право. Т. 1. Общая часть. Введение в гражданское право: учеб. для бакалавриата и магистратуры / В.А. Белов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2014. — 622 с.
5. Дзгоева Б.О., Соотношение частных и публичных интересов в правовом регулировании рекламы. — М.: Проспект, 2015. — 128 с.
6. Гражданское право: учебник / С. С. Алексеев, Д. В. Мурzin, Б. М. Гонгало // под ред. С. С. Алексеева. — М.: Проспект, 2015. — 440 с.
7. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б. М. Гонгало. Т. 2. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2017. — С. 234.

8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая. Учебно-практический комментарий. Под ред. Сергеева А. П. — Москва: Проспект, 2013. — 912 с.
9. Костикова, С. Н. Практические вопросы применения норм, регулирующих публичный договор как институт гражданского права / С.Н. Костикова // Российский судья. — 2013. — № 4. — С. 34–37.
10. Ларина, Т. В. Особенности правового регулирования публичного договора в России / Т. В. Ларина // Юрист. — 2014. — № 24. — С. 8–19

ПСИХОЛОГИЯ

Коммуникативная компетентность подростков как инструмент системного психологического сопровождения в подростковом возрасте

Калагина Оксана Владимировна, студент магистратуры

Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Современный подростковый возраст характеризуется высокой динамикой социально-психологических изменений, усилением влияния внешней среды и возрастанием рисков эмоциональной дезадаптации. В этих условиях традиционные методы психологической поддержки оказываются недостаточными без интеграции в систему педагогического и социального сопровождения. В статье обосновывается гипотеза, что коммуникативная компетентность подростков выступает не просто как личностная характеристика, но как ключевой инструмент системного психологического сопровождения, способный стабилизировать внутренние и межличностные процессы в образовательной среде. На основе анализа эмпирических данных ($n = 412$ учащихся 7–9 классов, 6 школ г. Тольятти и Самарской области), разработана концептуальная модель системного сопровождения, в центре которой — формирование коммуникативной компетентности как целостного, динамично развивающегося конструкта. Показано, что целенаправленное развитие коммуникативных навыков снижает уровень тревожности на 31%, уменьшает случаи школьной агрессии на 27% и повышает удовлетворённость социальной средой на 42%. Результаты подтверждают необходимость перехода от реактивных форм работы к проактивной, системной модели, в которой коммуникация становится не только целью, но и средством психологического благополучия.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, подростковый возраст, системное психологическое сопровождение, образовательная среда, эмоциональное благополучие, профилактика дезадаптации, педагогическая психология.

Введение

Подростковый возраст — один из наиболее уязвимых этапов онтогенеза, сопровождаемый глубокими изменениями в самооценке, системе ценностей, межличностных отношениях и восприятии социальной среды. Согласно данным Роспотребнадзора (2025), более 68% подростков в возрасте 12–17 лет испытывают регулярные проявления тревожности, 41% — признаки социальной изоляции, а 29% — эпизоды агрессивного поведения в школьной среде. Эти цифры не являются следствием случайных конфликтов — они указывают на системный кризис в организации психологического сопровождения, основанного на устаревших моделях «реактивного вмешательства».

Традиционные подходы, ориентированные на индивидуальную консультацию, диагностику нарушений и «лечение» симптомов, не решают корневых проблем: отсутствия навыков конструктивного взаимодействия, неумения выражать эмоции, дефицита эмпатии и стратегий разрешения конфликтов. В этой связи актуализируется необходимость пересмотра парадигмы психологического сопровождения — от фокуса на «проблеме» к фокусу на ресурсе. Одним из таких ресурсов, обладающим высокой трансформационной мощностью, является коммуникативная компетентность (КК) — способность подростка эффективно, адекватно и эмоционально целесообразно взаимодействовать с окружающими в различных социальных контекстах.

В данной статье мы рассматриваем КК не как изолированную личностную черту, а как центральный инструмент системного психологического сопровождения — то есть как активный, развивающийся элемент, способный изменять всю структуру взаимодействий в школьной среде. Наша гипотеза: формирование коммуникативной компетентности подростков не просто улучшает их межличностные отношения, но перестраивает саму систему психологического сопровождения, делая её проективной, устойчивой и интегрированной в образовательный процесс.

Коммуникативная компетентность как научная категория получила развитие в работах отечественных и зарубежных психологов. Л. С. Выготский подчеркивал, что речь и общение являются не просто средством передачи информации, но и инструментом формирования сознания. В подростковом возрасте, когда происходит переход от внешней регуляции к внутренней, коммуникация становится основным механизмом социального становления.

Согласно модели А. А. Реана, КК включает три взаимосвязанных компонента:

- когнитивный — понимание норм, правил, контекстов общения;

- эмоциональный — способность распознавать и регулировать эмоции в процессе взаимодействия;
- поведенческий — владение стратегиями вербального и невербального общения.

Важно отметить, что КК не является статичным качеством, а представляет собой динамическую систему, формирующуюся в процессе социального опыта. Это делает её идеальным объектом для системного сопровождения: ее можно развивать, измерять, корректировать и интегрировать в образовательные практики.

В контексте системного подхода (В.А. Петровский) психологическое сопровождение рассматривается как целостная, многоуровневая деятельность, включающая взаимодействие педагога, психолога, родителей, сверстников и самой среды. В такой модели КК становится не только целью, но и механизмом связи между уровнями: подросток, научившийся выражать свои потребности, становится «посредником» между собой и учителем, между собой и семьёй, между собой и социальной средой.

Таким образом, КК — это не просто «умение говорить», а социально-психологический фильтр, через который подросток воспринимает мир, реагирует на стресс, строит отношения и формирует идентичность.

Исследование проводилось в 2023–2024 гг. в шести общеобразовательных школах Тольятти и Самарской области. Выборка составила 412 подростков в возрасте 12–16 лет (52% девочек, 48% мальчиков), включая учащихся с разным уровнем социально-экономического статуса. Для диагностики использовались:

- Методика «Коммуникативная компетентность личности» (ККЛ) — адаптация А. А. [1];
- Шкала школьной тревожности (SAS, адаптация Тейлор);
- Методика «Социальная адаптация подростка» (САП, М.А. Миронова);
- Методика «Школьный климат» (авторская, 15-пунктная шкала);
- Кейс-стади 12 семей (интервью с родителями и педагогами).

Кроме того, в двух школах была внедрена экспериментальная программа «Коммуникация как ресурс» (ККР), включающая 12 модулей (по 40 минут в неделю): ролевые игры, тренинги эмоционального интеллекта, «круги общения», работа с конфликтными ситуациями, создание «правил общения» классом. Контрольная группа ($n = 206$) продолжала получать традиционное психологическое сопровождение (индивидуальные консультации, беседы с классными руководителями). Экспериментальная группа ($n = 206$) получала системную работу по КК в рамках программы ККР.

Данные анализировались с использованием SPSS 28.0: t-критерий Стьюдента, критерий χ^2 , корреляционный анализ Пирсона, факторный анализ.

После 6 месяцев реализации программы ККР в экспериментальной группе зафиксированы статистически значимые изменения ($p < 0,01$):

Ключевым открытием стало обратное влияние: развитие КК у подростков привело к изменению поведения педагогов. Учителя стали чаще использовать «коммуникативные паузы» на уроках, задавать открытые вопросы, создавать «безопасные пространства» для высказываний. То есть КК не только влияет на подростка — она трансформирует всю систему.

Важно подчеркнуть: эффект не был связан с «привлекательностью» программы, а обусловлен системным встраиванием коммуникативных практик в повседневную школьную жизнь — через классные часы, совместные проекты, школьные советы, родительские собрания с элементами диалога.

Таким образом, наша гипотеза подтверждается: коммуникативная компетентность становится не просто компонентом, а архитектурным элементом системного психологического сопровождения. Она объединяет педагога, психолога и подростка в единую динамическую систему, где изменение одного элемента ведёт к изменению всего целого.

Заключение

Коммуникативная компетентность подростков — это не просто «навык общения», а ключевой ресурс психологического здоровья, способный перестроить всю систему сопровождения в образовательной среде. В условиях роста эмоциональных рисков и дезадаптации, традиционные модели «реагирования на кризис» уступают место проактивным, системным подходам, в центре которых — развитие способности подростка к осознанному, эмпатичному, устойчивому взаимодействию.

Литература:

1. Саврасова, С. В. Коммуникативная компетентность подростков / С.В. Саврасова.: Научный журнал., 2020. — 45–52 с.
2. Добровидова Н.А., Матасова И.Л., Устюжанинова Е. Н., Шаталина М.А. Развитие коммуникативных навыков как условие психологического здоровья в подростковом возрасте // Sciences of Europe. 2020. № 51–5 (51). С. 68–70.
3. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский. М.: Педагогика, 2020. 512 с.

4. Петровский, В.А. Системный подход в психологии / В.А. Петровский. М.: Изд-во МГУ, 2019. 304 с.
5. Люц Е.П. Коммуникативная компетентность школьника: структурно-содержательный аспект // Педагогика и психология образования. 2022. № 5. 10–18. URL: <https://scip.org/kommunikativnaja-kompetentnost-shkolnikastrukturno-soderzhatelnyj-aspekt-14126315>
6. Кузнецова Е.Л. (Кузнецова, Е. Л.). Взаимосвязь социальной адаптации и психологического состояния подростков // Социальная работа и педагогика. № 1. 2020. С. 33–40.

Эффективные стратегии профилактики наркотической зависимости среди несовершеннолетних

Турукина Оксана Андреевна, педагог-психолог первой квалификационной категории

МБОУ для обучающихся с ОВЗ Одинцовская общеобразовательная школа «Надежда» (Московская область)

Наркомания представляет собой одну из наиболее острых социальных проблем современного общества, особенно распространённую среди подростковой группы населения. Распространение наркотических веществ оказывает негативное влияние на физическое здоровье молодых людей, психологическое развитие личности, социальную адаптацию и формирование нравственных ценностей. Наркотики становятся причиной тяжёлых заболеваний внутренних органов, психических расстройств, нарушений когнитивных функций мозга, роста преступности и суицидальных настроений. Именно поэтому профилактика наркозависимости приобретает особую значимость.

Ключевые слова: профилактика, наркомания, современное общество, молодые люди, психология.

Основные причины распространения наркотиков среди молодёжи

Анализ факторов риска позволяет выделить несколько ключевых аспектов, способствующих развитию наркотического поведения у подростков:

- Недостаточная информированность относительно негативных последствий употребления психоактивных веществ.

- Социальное окружение, оказывающее давление через друзей и сверстников («групповая динамика»).
- Семейные факторы: неблагополучие семьи, конфликты внутри неё, недостаточный уровень родительского контроля и воспитания.
- Психологические особенности возраста: стремление выделяться, экспериментирование с рискованным поведением, желание испытать новые ощущения.
- Стressовые ситуации, переживаемые детьми и подростками вследствие учёбы, взаимоотношений с родителями, сверстниками, жизненных трудностей.

Современные подходы к профилактике наркомании

Современные профилактические программы ориентированы на комплексный подход, включающий образование, воспитание, пропаганду здорового образа жизни, создание условий для занятий спортом и творческой деятельности, повышение уровня психологической устойчивости детей и подростков. Наиболее эффективными направлениями являются:

Информационно-просветительная работа

Организация лекций, семинаров, тренингов, направленных на обучение школьников основам знаний о влиянии наркотиков на организм человека, возможные последствия злоупотребления ими, методы оказания первой помощи пострадавшим от передозировки. Важна наглядная демонстрация негативных примеров последствий приёма запрещённых препаратов.

Работа с семьёй

Проведение консультаций родителей, педагогов, представителей общественности по вопросам формирования позитивного отношения к здоровому образу жизни, своевременному выявлению признаков возможного развития зависимого поведения ребёнка, предотвращению негативного влияния среды обитания.

Формирование навыков стрессоустойчивости

Психологическое сопровождение учащихся, направленное на выработку умения преодолевать жизненные трудности конструктивными способами, укрепление уверенности в себе, повышение самооценки, способности справляться с эмоциями и переживаниями.

Создание благоприятной социальной среды

Создание комфортных условий проживания подростков, предоставление возможностей участия в досуговых мероприятиях, занятиях спортом, творчес-

ством, вовлечение в коллективную деятельность, направленную на саморазвитие и самореализацию личности.

Законодательные меры

Совершенствование нормативно-правовой базы государства, регулирующей вопросы оборота наркотических веществ, усиление ответственности производителей и продавцов нелегальной продукции, контроль над рекламой табачных изделий, алкоголя, токсичных продуктов питания.

Заключение

Эффективная профилактика наркотизации подростков требует комплексного подхода, сочетающего информационно-разъяснительную работу, мероприятия по формированию здорового образа жизни, воспитательные воздействия, поддержку семьи, организацию досуга, активное участие всех заинтересованных сторон. Только благодаря систематическому взаимодействию образовательных учреждений, медицинских служб, правоохранительных органов, общественных организаций и самих семей возможно добиться устойчивого снижения числа случаев наркопотребления среди молодого поколения.

Литература:

1. Аксючиц, И. В. Профилактика наркотической и табачной зависимости в школе: пособие для педагогов-психологов, педагогов учреждений общего среднего образования / И. В. Аксючиц. — Москва: Юрайт, 2018.
2. Бузина, Т. С. Психологическая профилактика наркотической зависимости: монография / Т. С. Бузина. — Москва: Когито-Центр, 2019.
3. Еникеева, Д. Д. Как предупредить алкоголизм и наркоманию у подростков / Д. Д. Еникеева. — Санкт-Петербург: Речь, 2019.
4. Колесов, Д. В. Болезни поведения: воспитание здорового образа жизни / Д. В. Колесов. — Москва: Дрофа, 2020.
5. Коробкина, З. В. Профилактика наркотической зависимости у детей и молодёжи / З. В. Коробкина. — Москва: Академия, 2018.
6. Павленок, П. Д. Наркомания и молодёжь / П. Д. Павленок. — Москва: Юрайт, 2017.
7. Шилова, Т. А. Профилактика алкогольной и наркотической зависимости у подростков в школе: практическое пособие / Т. А. Шилова. — Москва: Айрис Пресс, 2005.

ПЕДАГОГИКА

Опыт развития критического мышления обучающихся через анализ исторической достоверности в межпредметных проектах

Гарастюк Марина Станиславовна, учитель истории и обществознания
МБУ «Школа имени С.П. Королёва» г. Тольятти (Самарская область)

В современных условиях, когда школьники ежедневно сталкиваются с потоком противоречивой исторической информации из разных источников, перед учителем истории встает важная задача — научить их отличать достоверные факты от исторических мифов и искажений. Основываясь на собственной педагогической практике, хочу поделиться опытом организации межпредметных проектов, направленных на развитие критического мышления учащихся 5–9 классов.

На протяжении трех лет мною было организовано несколько типов проектов, связанных с проверкой исторической достоверности. Особый интерес у школьников вызвали проекты по анализу исторических художественных фильмов, исследованию семейных историй и боевого пути прадедов, изучению локальной истории через сопоставление различных источников.

Работа в этом направлении начиналась с обнаружения противоречий между разными источниками информации. Например, при изучении темы «Русско-японская война 1904–1905 гг.» обучающимся был предложен фрагмент романа А. С. Новикова-Прибоя «Цусима» и отрывок из документальной хроники. Ученики самостоятельно обнаружили расхождения в описании действий командования и причин поражения русского флота, что стало отправной точкой для более глубокого исследования.

Другим эффективным стимулом стал просмотр фрагментов художественных фильмов на историческую тематику. При работе с фильмом «Адмирал» обучающиеся формулировали исследовательский вопрос: «Насколько достоверно показаны в фильме исторические события Гражданской войны и роль личности А. В. Колчака?» При анализе «Союза спасения» учеников заинтересо-

совало, как режиссер изобразил характер императора Александра I и мотивацию декабристов.

Для систематизации работы с разнотипными источниками мною была разработана матрица анализа, которая помогала ученикам оценивать достоверность информации по определенным критериям.

Матрица анализа исторических источников для обучающихся 7–9 классов

Параметр анализа	Письменный источник	Визуальный источник	Аудиовизуальный источник	Устный источник
Авторство	Кем создан, когда, какое положение занимал автор	Кто автор изображения, каковы его взгляды	Кто создатель фильма/ролика, какие цели преследовал	Кто информант, какова его связь с событием
Время создания	Когда создан относительно описываемых событий	Когда создано изображение (в момент события или позже)	Когда снят фильм/записан ролик	Когда записано свидетельство
Достоверность	Какие факты поддаются проверке	Насколько изображение соответствует историческим реалиям	Какие элементы поставлены/реконструированы	Насколько точно информант помнит события
Предвзятость	Какие интересы/взгляды представляет автор	Какой посыл несет изображение	Какую версию истории продвигает создатель	Какие личные позиции отражает информант

На основе этой матрицы учащиеся последовательно проверяли факты и выявляли несоответствия в исторических источниках. Для более эффективной работы я предложила ученикам использовать алгоритм ППРА (Поиск — Проверка — Перепроверка — Реконструкция — Аргументация):

1. Поиск несоответствий в источнике
2. Проверка фактов через первоисточники
3. Перепроверка с помощью альтернативных исследований
4. Реконструкция исторической реальности
5. Аргументация собственной позиции

Реализация этого алгоритма требовала обращения к различным источникам информации. В нашей практике ученики использовали научную и справочную литературу, документальные источники, ресурсы музеев и архивов, электронные банки документов («Память народа», «Подвиг народа»).

Особую ценность для развития критического мышления представляли проекты, связанные с семейной историей. Исследование боевого пути пра-дедов, участвовавших в Великой Отечественной войне, вызвало наибольший эмоциональный отклик и познавательную активность. В ходе этой работы обучающиеся не только приобретали навыки исследовательской деятельности, но и учились соотносить семейные предания с документально подтвержденными фактами.

В одном из таких проектов ученик 8 класса исследовал историю своего пра-деда, который по семейной легенде был танкистом и героически погиб в бою. При обращении к порталу «Память народа» выяснилось, что пра-дед действительно служил в танковых войсках, но погиб не в бою, а при выполнении учебно-тренировочного задания. Это открытие стало для ученика не только уро-ком критического отношения к устным источникам, но и возможностью более глубокого понимания цены военных потерь.

Межпредметный характер проектов проявлялся в естественном соединении знаний из разных областей. При анализе фильма «Адмирал» ученики обращались не только к историческим документам, но и к литературным произведе-ниям о Гражданской войне, географическим картам театра военных действий, математическим расчетам для оценки достоверности приводимых в фильме численных данных.

Показательно, что многие ученики продолжали исследовательскую работу за рамками учебной деятельности. Например, группа девятиклассников, вдохновленная проектом по анализу фильма «Союз спасения», создала интерак-тивную карту мест Санкт-Петербурга, связанных с восстанием декабристов, дополнив ее сравнительными материалами о художественной трактовке и ре-альных исторических событиях.

В ходе работы мы столкнулись с определенными трудностями. Прежде всего, это дополнительные временные затраты на организацию проектной деятель-ности, различный уровень доступа обучающихся к информационным ресур-сам, сложности в формировании навыков проверки достоверности у учащихся 5–6 классов. Тем не менее, полученные результаты убедительно доказывают, что этот подход оправдывает себя, особенно в современных условиях, когда умение отличать достоверные исторические факты от мифов становится не-обходимым навыком.

Подводя итог, хочу отметить, что ключевыми факторами успешности дан-ного подхода стали: использование эмоционально близкого материала (се-мейные истории, художественные произведения), четкий алгоритм проверки

исторической информации, создание учениками собственного информационного продукта и систематичность работы по выявлению исторических несоответствий.

Представленный опыт может быть адаптирован к разным возрастным группам и темам исторического образования, что делает его универсальным инструментом для развития критического мышления на уроках истории и во внеурочной деятельности.

Литература:

1. Андреев, А.Л. Историческое сознание в современном обществе / А.Л. Андреев // Вопросы философии. — 2021. — № 7. — С. 24–35.
2. Вяземский, Е. Е. Историческое образование в современной России: проблемы и перспективы развития / Е. Е. Вяземский, О. Ю. Стрелова. — Москва: Просвещение, 2020. — 176 с.
3. Короткова, М. В. Методика проектной деятельности в обучении истории / М. В. Короткова // Преподавание истории в школе. — 2019. — № 6. — С. 3–11.
4. Халперн, Д. Психология критического мышления / Д. Халперн; пер. с англ. Н. Мальгиной, С. Рысева, Л. Царук. — 4-е изд. — Москва: Питер, 2023. — 719 с.
5. Шамчикова, В. М. Историческое источниковедение в школьном образовании: традиции и инновации / В. М. Шамчикова // Отечественная и зарубежная педагогика. — 2022. — № 4. — С. 112–129.

Моделирование как средство формирования морфологических понятий у младших школьников

Олешко Анастасия Петровна, студент

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

В статье рассматривается проблема формирования морфологических понятий у младших школьников, обусловленная абстрактностью грамматических категорий и недостаточной эффективностью традиционных методов обучения. Обосновывается необходимость использования моделирования как средства визуализации и структурирования учебного материала. На основе ана-

лиза психолого-педагогической литературы и учебно-методических комплексов выявлены сущность и виды моделирования, его роль в развитии универсальных учебных действий. Представлены дидактические условия применения моделирования при изучении морфологии, а также конкретные виды моделей и упражнений, используемых в учебниках УМК «Школа России». Делается вывод о высокой эффективности моделирования для повышения познавательной активности, формирования системных знаний и развития мышления учащихся.

Ключевые слова: моделирование, морфологические понятия, младшие школьники, начальная школа, универсальные учебные действия, визуализация, грамматические категории, методика русского языка.

Современное начальное образование в условиях реализации ФГОС НОО ориентировано на формирование у учащихся умения учиться, что требует поиска эффективных методов и технологий обучения. Одной из сложных областей в курсе русского языка является морфология, абстрактный характер которой затрудняет усвоение младшими школьниками таких понятий, как «часть речи», «род», «число», «падеж», «спряжение». Традиционные методы не всегда обеспечивают глубокое понимание и прочное запоминание материала. В этой связи актуальным становится использование моделирования, позволяющего представить грамматические явления в наглядной, структурированной форме. Цель статьи — теоретически обосновать и методически раскрыть потенциал моделирования как средства формирования морфологических понятий у младших школьников.

Обращение к данному методу особенно актуально в этом возрасте, поскольку в период младшего школьного возраста дети проявляют особую активность в познании окружающего мира и демонстрируют высокую степень любознательности. К началу обучения в школе у учащихся уже сформирована способность к восприятию фундаментальных связей и закономерностей различных научных областей.

Перед современной начальной школой стоит важная задача — содействие формированию у учащихся целостного представления о мире. Ключевым инструментом достижения этой цели выступает развитие логического мышления посредством осуществления различных мыслительных операций.

Моделирование представляет собой эффективный метод познания, основанный на изучении характеристик объекта через его упрощённую модель. Модель выступает в качестве презентации изучаемого материала, отражающей его ключевые аспекты и основные концепции.

В педагогической практике метод моделирования реализуется путём замены реальных объектов, процессов и явлений их упрощёнными аналогами.

Данный подход способствует комплексному развитию учебных компетенций. Прежде всего, он обеспечивает глубокое погружение в изучение сложных теоретических концепций, что позволяет учащимся лучше усваивать материал и формировать системные знания.

Важным преимуществом является возможность всестороннего анализа различных явлений. Учащиеся получают шанс рассмотреть изучаемый материал с разных сторон, выявить ключевые особенности и установить причинно-следственные связи.

Особую значимость представляет способность разъяснять абстрактные понятия. Благодаря наглядности и конкретизации материала даже сложные теоретические конструкции становятся доступными для понимания и усвоения.

Не менее важным аспектом является развитие практических навыков решения проблемных ситуаций. Учащиеся учатся находить оптимальные пути выхода из сложных положений, развивают критическое мышление и способность к аналитическому подходу.

Кроме того, данный метод способствует формированию важных компетенций в области принятия обоснованных решений. Ученики осваивают алгоритмы рационального выбора, учатся учитывать различные факторы и оценивать возможные последствия своих действий.

Важно отметить, что процесс моделирования носит активный характер и предполагает непосредственное вовлечение учащихся. Школьники не ограничиваются пассивным восприятием информации — они принимают участие в создании моделей, проводят с ними исследовательскую работу, проверяют их функциональность, вносят необходимые корректировки и анализируют последствия вносимых изменений.

Такой подход способствует формированию у учащихся глубоких знаний, развитию критического мышления и практических навыков работы с информацией.

Методология обучения морфологии с использованием моделирования базируется на системно-деятельностном подходе, учитывающем возрастные особенности младших школьников. В данном случае моделирование выступает как важный элемент образовательного процесса, одновременно являясь и содержанием обучения, и эффективным инструментом развития познавательных универсальных учебных действий.

В образовательном процессе применяются разнообразные виды моделей, способствующие эффективному освоению морфологических понятий. К ним относятся схемы и таблицы (включая схемы предложений и таблицы падежных окончаний), речевые опоры в виде ключевых слов и алгоритмов определений, графические модели (звукобуквенные схемы и модели состава слова), а также различные памятки для морфологического разбора.

В учебных материалах УМК «Школа России» (авторы В. П. Канакина, В. Г. Горецкий) система моделирования интегрирована в комплекс упражнений, направленных на развитие языковых компетенций учащихся.

Учебная программа предусматривает работу над морфологическим разбором слов, систематизацию и классификацию частей речи, формирование навыков словообразования и построения предложений. Особое внимание уделяется анализу функционирования различных частей речи в текстовом материале.

В третьем классе образовательный процесс включает активное использование специальных памяток для анализа имён существительных, прилагательных и глаголов. Это способствует поэтапному и эффективному освоению грамматических характеристик данных частей речи.

Важную роль в учебном процессе играют схемы и таблицы, которые помогают учащимся наглядно воспринимать и запоминать парадигмы склонения и спряжения. Графические модели позволяют визуализировать сложные грамматические конструкции, делая их более доступными для понимания младшими школьниками.

Эффективность применения моделирования в образовательном процессе обеспечивается рядом важных условий. Прежде всего, необходимо поэтапное внедрение моделей в учебный процесс, начиная с первого класса, что позволяет детям постепенно осваивать этот инструмент познания.

Важным аспектом является разнообразие форм организации учебной деятельности. Моделирование успешно реализуется как в ходе фронтальной работы со всем классом, так и в рамках групповой и индивидуальной деятельности учащихся, что способствует более глубокому усвоению материала.

Существенное значение имеет активная позиция учащихся в процессе работы с моделями. Дети не просто воспринимают готовые решения, а непосредственно участвуют в создании и модификации моделей, что значительно повышает эффективность обучения.

Наконец, результативность моделирования напрямую связана с его практической направленностью. Использование моделей должно быть тесно связано

с решением реальных языковых задач, что позволяет учащимся видеть прикладную ценность данного метода и развивает их аналитические способности.

Эта результативность и широкий дидактический потенциал объясняются тем, что моделирование является эффективным средством формирования морфологических понятий у младших школьников, поскольку обеспечивает наглядность, структурирование материала и активизацию познавательной деятельности. Использование моделей способствует переходу от эмпирического восприятия к теоретическому обобщению, развивает логическое мышление и формирует прочные грамматические навыки.

Литература:

1. Асмолов, А. Г. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе. От действия к мысли: пособие для учителя / А.Г. Асмолов. — Москва, 2008. — 151 с.
2. Боровкова, Т. И. Мониторинг развития системы образования. Ч. 1. Теоретические аспекты: учеб. пособие / Т.И. Боровкова, И.А. Морев. — Владивосток, 2004. — 150 с.
3. Гальперин, П. Я. Общий взгляд на учение о так называемом поэтапном формировании умственных действий, представлений и понятий / П. Я. Гальперин; подг. к печати М.А. Степановой // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. — 1998. — № 2. — С. 3–8.
4. Григорьева Н.А. Моделирование определений по морфологии с помощью речевых опор / Григорьева Н. А. [Электронный ресурс] // Prodlenka образовательный портал: [сайт]. — URL: <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/99246-modelirovaniye-opredelenij-po-morfologii-s-rom>
5. Давыдов, В. В. Виды обобщения в обучении / В. В. Давыдов. — Москва: Педагогическое общество России, 2000. — 120 с.
6. Ермолаева, А. А. Моделирование на уроках в начальной школе / А.А. Ермолаева. — Москва: Глобус; Волгоград: Панорама, 2009. — 140 с.
7. Канакина В. П., Горецкий В. Г. Русский язык. УМК «Школа России». 1–4 классы. — М.: Просвещение, 2025.
8. Непомнещая А. В. Формирование морфологических понятий у младших школьников / Непомнещая А. В. [Электронный ресурс] // Высшая школа делового администрирования: [сайт]. — URL: <https://s-ba.ru/tpost/kjz8klm971-nepomneschaya-av-formirovanie-morfologic>

9. Федорова И. В. Методика формирования грамматических понятий / Федорова И. В. [Электронный ресурс] //: [сайт]. — URL: https://mooc.do.altspu.ru/pluginfile.php/41687/mod_resource/content/1/Лекция%202.1.2%20%28текст%20лекции%29.pdf
10. Федеральная рабочая программа начального общего образования Русский язык (для 1–4 классов образовательных организаций) / [Электронный ресурс] //: [сайт]. — URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2025/07/2025_noo_frp_russkij-yazyk_1-4.pdf

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Культурное наследие Туркменистана

Гарлыев Айхан Гурбангельдыевич, соискатель

Туркменский государственный университет имени Махтумкули (г. Ашхабад, Туркменистан)

В статье рассматриваются вопросы сохранения и развития культурного наследия Туркменистана. Анализируются объекты материального и нематериального наследия, включённые в Списки всемирного и нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, а также меры по их охране, изучению и популяризации.

Ключевые слова: Туркменистан, ЮНЕСКО, культурное наследие, нематериальное культурное наследие.

В Туркменистане большое значение придается сохранению и развитию национального культурного наследия. Самобытное наследие туркменского народа бережно передается от поколения к поколению. Особое значение придается заботе о сохранении памятников истории и культуры, популяризации национального наследия. На туркменской земле находятся такие памятники первых в мире земледельцев, как Гонур-депе, Алтын-депе, Джейтун, Анау. Государственными историко-культурными заповедниками объявлены такие памятники как Ниса, Древний Мерв, Куяргенч, Древний Дехистан, Древний Серахс, Керки, Абиверд и Геоктепинская крепость. В Туркменистане принят целый ряд нормативно-правовых документов, направленных на сохранение культурных ценностей. В их числе Законы «Об охране объектов национального историко-культурного наследия» [1], «О музеях и музейном деле» [2], «Об охране, вывозе и ввозе движимых ценностей национального историко-культурного наследия» [3]. Издан Государственный реестр объектов национального историко-культурного наследия страны, подготовленный Национальным управлением Туркменистана по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры. Данный реестр составлен в виде таблицы, его структура состоит из полного названия объекта, его датировки, вида и категории (археология, архитек-

тура, история), значения (местного, государственного или международного), краткого описания, места расположения и регистрационного номера памятника.

В Туркменистане принята «Государственная программа на 2022–2028 годы по бережному сохранению объектов национального историко-культурного наследия, их охране и изучению, привлечению к ним туристов». Вместе с тем в целях своевременной публикации собранных в последние годы научных данных, передачи их в наследие будущим поколениям, а также знакомства с ними отечественных и зарубежных специалистов и учёных вышли в свет специализированные научные труды «Древности Туркменистана», «Архитектурное наследие Куняургенча», «Историко-культурные памятники Древнего Мерва», «Парфянские крепости Нисы», «Следы веков».

В стране продолжается работа по изучению, охране и популяризации в мире национального наследия, а также принимаются необходимые меры для бережного сохранения и изучения объектов историко-культурного наследия, реставрации памятников истории и культуры. Кроме того, проводится работа, направленная на увеличение количества объектов для их внесения в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Объектами национального историко-культурного наследия являются культурные ценности, к которым относятся имеющие материальную значимость объекты, составляющие культурное наследие туркменского народа. Объекты национального историко-культурного наследия подлежат государственной охране в целях предотвращения их уничтожения, разрушения, а также в целях их защиты от неблагоприятного влияния окружающей среды и иных негативных воздействий. Охрана памятников истории и культуры определяется как система правовых, организационных, финансовых, информационных, материально-технических и иных принимаемых государством мер, направленных на выявление, сохранение, использование и популяризацию, а также государственную охрану объектов национального историко-культурного наследия.

Как известно, в 2005 году ЮНЕСКО разработала десять характеристик объектов культурного наследия (шесть культурных и четыре природных): объект является примером творческого гения человека; свидетельством взаимосвязи и взаимного обмена универсальными человеческими ценностями; редким представителем существовавшей или исчезнувшей культурной традиции и цивилизации; выдающимся сооружением важного этапа развития человеческой истории; выдающимся примером использования традиционных человеческих поселений, земли или моря как формы культуры; выдающимся объектом всемирного наследия, прямо или косвенно связанным с событиями и традициями

жизни, искусства, литературы; природными объектами исключительной красоты и эстетической ценности; конкретный пример основных этапов истории Земли, включая следы древней жизни, геологические, геоморфологические, физиографические события; важные и значимые экологические и биологические события; природные территории, имеющие большое значение [4, с. 4].

В настоящее время ряд объектов культурного и природного наследия Туркменистана включены в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Так, в 1999 году один из старейших городов Шелкового пути древний Мерв, в 2005 году столица Хорезмшахов с уникальными мавзолеями древний Куня-Ургенч, в 2007 году Парфянские крепости Нисы, древней столицы Парфии. Туранские пустыни умеренного пояса как природное наследие и в их числе расположенные в глубине пустыни Каракум государственные природные заповедники Каплангыр и Берекетли Каракум, а также государственный биосферный заповедник Репетек были внесены в 2023 году. Эти особо охраняемые территории богаты сотнями видов растений, животных и птиц, часть которых являются эндемиками. Семь памятников Туркменистана, расположенных на Зарафшан-Каракумском коридоре Великого Шелкового пути, были внесены в 2024 году. Это такие памятники, как Амуль гала, рабат Мансаф, стоянка Ат-Тахмалач, каравансараи Конегала, Акджагала и Гызылджагала, средневековый город Кушмейхан.

Туркменистан активно сохраняет свои традиции, включив десять элементов в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. В 2015 году в Список ЮНЕСКО было включен эпос «Гёрглы», который датируется средними веками и повествует про легендарного национального героя Гёрглы. Эпос является традицией устных рассказов о герое и его сорока наездниках-джигитах. Хранителями традиции являются музыканты-бахши эпического жанра, которые, аккомпанируя себе на струнном инструменте дуттар, рассказывают и исполняют песни. Эпос также заключает в себе много пословиц и поговорок, которые имеют большое воспитательное значение и до сих пор широко распространены в народе. Один из главных праздников Туркменистана Новруз, знаменующий приход весны и пробуждение природы, включен в Список нематериального наследия человечества в 2016 году. Этот праздник отмечается с особой торжественностью и его еще называют туркменским новым годом. Символ праздника — пшеница, что символизирует начало сельскохозяйственных работ. Из пшеницы только в этот праздник приготавливают праздничное кушанье *семени*. Как правило, его готовят пожилые уважаемые женщины и угощают родственников, соседей, друзей. В Новруз каждый стремиться попробо-

вать семени, считается, что оно дарит здоровье, долголетие, исполнение желаний. Этот праздник показывает древнюю земледельческую культуру туркмен. Новруз находится под эгидой ЮНЕСКО также в других центральноазиатских и ряде других стран.

Обряд пения и танца күштепди был включен в 2017 году. *Күштепди* является старинной вокально-поэтической импровизацией, сопровождаемой танцами в такт песни. Как правило, танец күштепди исполняется на свадьбах, семейных торжествах, народных праздниках всеми, независимо от возраста и является объединительным фактором, создавая ощущение единства и взаимопонимания. Само исполнение танца полно ритма и гармонии, он стремительный и одновременно слаженный.

Туркменское ковроделие имеет уходящую в глубь веков историю, в нем, как в призме, преломилось все богатство туркменской культуры, художественного вкуса, многогранной одаренности туркменского народа [5, с. 2]. В 2019 году традиционное ручное ковроткачество Туркменистана было внесено в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО. В решении Межправительственного комитета по охране нематериального культурного наследия отмечается, что искусство традиционного туркменского ковроткачества практикуется по всему Туркменистану и ковровые изделия распространяются по всей стране, обеспечивая чувство социальной идентичности и преемственности, объединяя сообщества и позволяя им достичь чувства идентификации вокруг данного элемента, а также играет важную роль в семейных и общественных ритуалах, праздничных мероприятиях.

Мастерство изготовления дутара и традиционное музыкальное исполнительское искусство в сочетании с пением включено в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО в 2021 году. Дутар, являясь национальным туркменским музыкальным двухструнным инструментом, имеет длинный гриф и овальный корпус. Создание этого инструмента — очень трудоемкий и сложный процесс, навыки которого передаются мастерами от поколения в поколение. Начиная от выбора и подготовки древесины шелковицы и заканчивая натягиванием струн мастер шаг за шагом и только вручную изготавливает инструмент, музыкальное звучание которого неповторимо. С дутаром связана важная часть самобытной культуры туркменского народа. Дутар называют душой народа, который передает настроение и эмоции исполнителя, превращая обычные звуки в живую музыку, способную тронуть сердца и остаться в памяти надолго.

Туркменское искусство вышивки было внесено в 2022 году. Туркменская вышивка *кешде* — это многогранное искусство, которое насчитывает тысячи лет истории ручного рукоделия, включающего в себя различные техники и стили. Туркменские женщины, являясь хранительницами и продолжательницами творческих традиций, достигли в этом высокого мастерства. Шелковыми нитями вышивается национальная одежда и головные уборы, причем это не статичное, а активно развивающееся искусство. Узорами *кешде* украшают и предметы быта, декоративные полотна. Также в 2022 году шелководство и традиционное производство шелка для ткачества были включены в Список ЮНЕСКО. Туркменское традиционное ремесло производства шелка насчитывает тысячи лет истории и проходит стадии от выращивания деревьев до окраса готовой нити и тканя шелковых тканей. По древним технологиям шелкового ремесла ткани окрашивались только растительными красками, отличающимися яркостью, прочностью и экологичностью. Особо ценилась домотканая шелковая ткань *кетени* и до сих пор платье из кетени остается традиционным нарядом невесты, а также праздничной женской одеждой. Сегодня, как в старину, изготовление кетени остается ручным производством, и эта работа является кропотливой и трудоемкой. И по сей день туркменские мастерицы пользуются старинным горизонтальным ткацким станком *тара*, добиваясь совершенного качества ткани.

Традиционные рассказы и анекдоты об Эпенди были включены в 2022 году. Эпенди или Ходжа Насреддин — это фольклорный персонаж стран Востока и Центральной Азии, известный своими остроумными высказываниями, герой коротких юмористических и сатирических миниатюр и анекдотов. Рассказы о нем отличаются мудростью, тонким юмором. Истории об Эпенди отличаются и воспитательным аспектом, так как учат честности, доброте, взаимовыручке, уважении. В 2023 году ахалтекинское коневодческое искусство и традиции украшения коней было включено в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Ахалтекинские кони издавна славятся своими выдающимися качествами. Знания и навыки коневодства передаются в Туркменистане из поколения в поколение и являются частью исторического и культурного наследия страны. Вокруг них сложился целый пласт традиций — от ритуалов наречения имен до конных состязаний и свадебных обрядов. Знания и навыки коневодства передаются в Туркменистане из поколения в поколение и являются частью исторического и культурного наследия страны.

В декабре 2025 года искусство разведения туркменского алабая было включено в Репрезентативный список нематериального культурного наследия

ЮНЕСКО. Алабай — одна из древнейших пород на земле. Благодаря народной селекционной работе туркмены сохранили уникальные качества этих собак. При раскопках поселения бронзового века Алтын-депе в Туркменистане (II тыс. до н. э.) была обнаружена терракотовая статуэтка собаки и останки крупного животного с мощными челюстями и укороченной мордой, похожего на современного алабая. С давних времен представители породы используются как в качестве пастушьих собак, так и в качестве великолепно несущих охранную службу. Вместе с тем алабай преданный, спокойный друг семьи и детей, становящийся отважным и непримиримым защитником при угрозе им извне, то есть является мощной сторожевой собакой с выраженными охранными качествами.

В заключение следует отметить, что культурное наследие Туркменистана представляет собой уникальный комплекс материальных и нематериальных ценностей, сформированных на протяжении тысячелетий под влиянием исторических, географических и этнокультурных факторов. Традиции, обычаи, устное народное творчество, музыка, танцы, декоративно-прикладное искусство и архитектурные памятники отражают самобытность туркменского народа и его вклад в мировую культуру. Сохранение, научное осмысление и популяризация культурного наследия Туркменистана являются важнейшими задачами современности, способствующими укреплению национальной идентичности и межкультурного диалога. Комплексный и междисциплинарный подход к его изучению позволяет не только глубже раскрыть историко-культурные процессы, но и обеспечить преемственность духовных ценностей. В этом контексте дальнейшие исследования и практические меры по защите культурного наследия представляются актуальным и социально значимым. Кроме того, его всестороннее изучение и сохранение являются необходимым условием передачи уникального историко-культурного опыта будущим поколениям и обеспечения непрерывности культурного развития.

Литература:

1. Закон Туркменистана «Об охране объектов национального историко-культурного наследия». <https://turkmenistan.gov.tm/index.php/ru/post/18301/zakon-turkmenistana-ob-okhrane-obektov-natsionalnogo-istoriko-kulturnogo-naslediya> (Дата обращения 05.02.2026)
2. Закон Туркменистана «О музеях и музейном деле». <https://turkmenistan.gov.tm/index.php/ru/post/29532/zakon-turkmenistana-%3Cbr%3Eo-muzeyakh-i-muzeinom-dеле> (Дата обращения 05.02.2026)

3. Закон Туркменистана «Об охране, вывозе и ввозе движимых ценностей национального историко-культурного наследия». <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/26094/zakon-turkmenistana-%3Cbr%3Eob-okhrane-vyvoze-i-vvoze-dvizhimiakh-tsennostei-natsionalnogo-istoriko-kulturnogo-naslediya> (Дата обращения 05.02.2026)
4. Всемирное наследие Содружества Независимых Государств. — М.: Новая элита, 2011.
5. Саурова, Г. Современный туркменский ковер и его традиции — Ашхабад: Ылым, 1968.

Научное издание

Исследования молодых ученых

Выпускающий редактор Г.А. Письменная

Ответственные редакторы Е.И. Осянина, О.А. Шульга, З.А. Огурцова

Подготовка оригинал-макета О.В. Майер

Материалы публикуются в авторской редакции.

Подписано в печать 17.02.2026. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 4,7.

Тираж 300 экз.

Издательство «Молодой ученый».

420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»,

Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.